

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

ГРОБОВОЕ МОЛЧАНИЕ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

**Тесс Герритсен
Гробовое молчание**

Tess Gerritsen
THE SILENT GIRL
Copyright © 2011 by Tess Gerritsen
All rights reserved

© 2011 by Tess Gerritsen All rights reserved
© О. И. Лютова, перевод, 2013
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Биллу Хейберу и Дженет Тамаро – за то,
что поверили в моих девчонок*

«Что тебе необходимо сделать – так это
выманить чудовище из логова, – сказал
Царь Обезьян, – однако ты должен быть
уверен, что выживешь в этой битве».

***У Чэньэнь (ок. 1500–1582).
Обезьяна: китайский народный
роман. (Сокращенный
и адаптированный перевод на
английский язык Артура Уэйли,
1942)***

1

Сан-Франциско

Весь день я наблюдаю за этой девочкой.

Она не подает виду, что заметила меня, хотя машина, взятая мною напрокат, хорошо видна с того угла, где девочка и другие подростки собрались этим вечером – убить время так, как это обычно делает скучающая молодежь. Она выглядит младше остальных, но, возможно, так кажется, потому что она азиатка, и в семнадцать по-прежнему миниатюрна – тростинка, а не девочка. Ее черные волосы острижены коротко, как у мальчишки, а синие джинсы потертые и разорваны. Это не дань моде, думаю я, а последствия долгой носки и уличной жизни. Закурив сигарету, она небрежно, словно бандит в подворотне, выпускает облако дыма; это поведение не идет к ее бледному китайскому личику с тонкими чертами. Она достаточно красива, чтобы привлечь голодные взгляды двух проходящих мимо мужчин. Девочка замечает их интерес и, ничуть не испугавшись, тоже сердито смотрит на них, однако бесстрашие дается легко лишь тогда, когда опасность всего-навсего абстрактное понятие. А как поведет себя эта девочка, если столкнется с настоящей угрозой? – размышляю я. Станет защищаться или растеряется? Мне нужно узнать, из какого теста она сделана, но пока у меня не было возможности проверить.

С наступлением темноты собравшиеся на привычном месте подростки начинают расходиться. Сперва от группки отделился один из них, затем – второй. В Сан-Франциско вечерами прохладно даже летом, а потому оставшиеся ребята в свитерах и куртках сбиваются в тесную кучку и, поднося друг другу зажигалку, прикуривают и наслаждаются мимолетным жаром пламени. Однако холод и голод в конце концов прогоняют последних подростков, и на улице остается только девочка, которой некуда идти. Она машет вслед удаляющимся друзьям и некоторое время стоит в одиночестве,

словно ожидая кого-то. Наконец она пожимает плечами и покидает место сборищ – сунув руки в карманы, девочка двигается в мою сторону. Проходя мимо моей машины, она смотрит не на меня, а куда-то вдаль – ее взгляд кажется самоуглубленным и неистовым, словно она мысленно пытается справиться с какой-то дилеммой. Вероятно, она размышляет о том, где сегодня можно отхватить ужин. А может быть, ее гнетет нечто более важное. Ее будущее. Способность выжить.

Наверно, она не замечает, что за ней идут двое мужчин.

Всего через несколько секунд после того, как девочка прошла мимо моей машины, я вижу мужчин, выныривающих из переулка. Я узнаю их – те же двое, что пялились на нее чуть раньше. Когда, следуя за ней, они минуют мою машину, один из мужчин смотрит на меня сквозь ветровое стекло. Его быстрый взгляд оценивает, представляю ли я угрозу. Похоже, увиденное не вызывает у него ни малейшего беспокойства, так что оба товарища продолжают путь. Они передвигаются словно два уверенных в себе хищника, преследующих более слабую добычу, которая вряд ли может оказать сопротивление.

Выбравшись из машины, я иду за ними. Точно так же, как они следуют за девочкой.

Она направляется в район, где слишком много заброшенных зданий, а тротуары словно вымощены битыми бутылками. Ничто в ней не выдает ни страха, ни сомнений, словно ей хорошо знакомы эти места. Девочка ни разу не оглядывается, и это свидетельствует о том, что она либо до безрассудства смела, либо не представляет, как этот мир может обойтись с девочками вроде нее. Преследующие ее мужчины тоже не оглядываются. Даже если эти двое заметят меня (а я ни за что не позволю такому случиться), они не испугаются. Никто никогда не видит во мне угрозы.

Девочка минует еще один квартал и, свернув направо, исчезает в дверном проеме.

Я отступаю в тень – понаблюдать, что будет дальше. Двое мужчин останавливаются у дома, в который вошла девочка, чтобы обсудить стратегию, а затем тоже заходят внутрь.

Стоя на тротуаре, я смотрю вверх, на заколоченные окна. Это опустевший склад с табличкой: «Посторонним вход воспрещен». Дверь в него приоткрыта. Я проскальзываю внутрь, в такой густой мрак, что мне приходится остановиться, – пока глаза привыкают к темноте, я полагаюсь на другие чувства, временно заменяющие мне зрение. Я слышу, как скрипят половицы. Ощущаю запах горячей свечи. И наконец вижу слабый отсвет в дверном проеме слева от меня. Остановившись возле него, я заглядываю в помещение.

Девочка стоит на коленях возле импровизированного стола; ее лицо освещает дрожащее пламя свечи. Вокруг – признаки временного жилища: спальный мешок, консервные банки и маленькая газовая плитка. Она сражается с упрямым консервным ножом и не замечает приближающихся сзади мужчин.

Я набираю воздуха в легкие, чтобы крикнуть ей: «Берегись!» – но тут девочка оборачивается и оказывается лицом к лицу с незваными гостями. У нее в руке консервный нож – жалкое оружие против двух крупных мужчин.

– Здесь мой дом, – говорит она. – Убирайтесь.

Я собираюсь вмешаться. Но все-таки останавливаюсь посмотреть, что произойдет дальше. Понять, из чего сделала эта девочка.

– Мы просто пришли в гости, милая, – смеется один из мужчин.

– Разве я вас приглашала?

– По твоему виду ясно, что тебе компания не помешает.

– А по твоему – что тебе не помешают мозги.

Не самое лучшее поведение в подобной ситуации, думаю я. Теперь их похоть смешалась со злобой, а это опасная комбинация. Однако девочка стоит спокойно, не двигаясь с места, и помахивает этим жалким кухонным приспособлением. Когда мужчины набрасываются на нее, я уже опираюсь на пятки, готовясь к прыжку.

Она опережает меня. Один скачок – и ее нога бьет в грудь первому мужчине. Удар неуклюжий, но действенный, и первый мужчина, покачиваясь, хватается за грудь – он не может дышать. Второй незнакомец не успел еще среагировать, а она уже поворачивается к нему и бьет консервным ножом ему в висок. Взревев, он пятится назад.

Что ж, это уже интересно.

Первый мужчина приходит в себя и, бросившись на девочку, ударяет ее так сильно, что они вместе падают на пол. Она отбивается руками и ногами, и ее кулак попадает мужчине в подбородок. В ярости он не обращает внимания на боль и с рыком наваливается на нее всем весом, не давая пошевелиться.

Теперь в схватку снова включается второй незнакомец. Он обхватывает запястья девочки и прижимает их к полу. Юность и отсутствие опыта стали причиной катастрофы, из которой ей уже не удастся выбраться. При всей своей горячности девочка слишком неумела и не подготовлена – вот-вот случится неизбежное. Первый мужчина расстегнул ее джинсы и теперь сдергивает их, обнажая худенькие бедра девочки. Его возбуждение несомненно, даже брюки в области ширинки оттопырились. В такие моменты любой мужчина становится уязвимым.

Он не слышит, как я приближаюсь. Вот он расстегивает ширинку. А вот уже лежит на полу со сломанной челюстью – зубы вываливаются у него изо рта.

Второй мужчина едва успевает выпустить руки девочки и вскочить, но я его опережаю. Я – тигр, а он всего-навсего неуклюжий буйвол, глупый и беспомощный перед моим ударом. Он с диким криком падает на пол. Судя по нелепо согнутой руке, его кость переломилась пополам.

Я хватаю девочку за руку и рывком помогаю ей встать.

– Ты цела?

Застегнув джинсы, она пристально смотрит на меня.

– Черт возьми, а *вы*-то кто?

- Об этом потом. А сейчас – уходим! – рявкаю я.
- Как вам это удалось? Как вы одолели их так быстро?
- Хочешь научиться?
- Да!

Я смотрю, как двое мужчин корчатся и стонут у наших ног.

– Итак, первый урок: умей вовремя убежать. – Я подталкиваю ее к двери. – Сейчас как раз пора.

Я наблюдаю за тем, как она ест. Она худенькая девочка, но аппетит у нее волчий – она уничтожает три куриных тако, целое море пережаренной фасоли и большой стакан колы. Ей хотелось именно мексиканской еды, поэтому мы сидим в кафе, где звучит музыка мариачи, а стены украшены пестрыми картинками с изображением танцующих сеньорит. Пусть лицо у девочки китайское, однако она совершеннейшая американка – от короткой стрижки до потертых джинсов. Это грубое, одичавшее существо, причмокивая, тянет через соломинку последние глотки колы, а потом шумно хлюпает, пытаясь собрать остатки напитка с кубиков льда.

Я начинаю сомневаться в разумности своего предприятия. Девочка уже слишком взрослая для обучения и слишком необузданная – такая вряд ли освоит дисциплину. Стоит отпустить ее назад, на улицы, если именно туда ей хочется вернуться, и пойти по другому пути. Но потом я замечаю шрамы на костяшках ее пальцев и вспоминаю, как близка она была к тому, чтобы в одиночку одолеть двоих мужчин. У нее есть талант, и она бесстрашна, а этим двум вещам невозможно обучить.

– Ты помнишь меня? – спрашиваю я.

Отставив стакан, девочка хмурит брови. Мне кажется, что в ее глазах мелькает осознание, но потом эта искра исчезает. Она качает головой.

– Это было давно, – подсказываю я. – Двенадцать лет назад. – Целая вечность для такой юной девушки. – Тогда ты была еще

маленькая.

Она пожимает плечами:

– Неудивительно, что я вас не помню.

Девочка лезет в карман куртки, вытаскивает сигарету и начинает прикуривать.

– Ты оскверняешь организм.

– Это же мой организм, – возражает она.

– Только не в том случае, если ты хочешь тренироваться. – Протянув над столом руку, я выхватываю сигарету у нее изо рта. – Если у тебя есть желание учиться, нужно меняться. Необходимо проявлять уважение.

– Вы прямо как моя мама, – фыркает она.

– Я была знакома с твоей мамой. В Бостоне.

– Ну так она умерла.

– Я знаю. Она написала мне месяц назад. Сообщила, что больна и что ей осталось недолго. Поэтому я здесь.

Я удивляюсь, увидев, как в глазах девочки заблестели слезы. Она быстро отворачивается, словно ей стыдно продемонстрировать слабость. Но в это мгновение уязвимости, до того как она отводит глаза, мне на ум приходит мысль о собственной дочери, утраченной в еще более юном возрасте, чем эта девочка. Слезы обжигают мои глаза, но я не пытаюсь прятать их. Печаль сделала меня другим человеком. Стала очищающим пламенем, пробудившим мою решимость и закалившим мои намерения.

Эта девочка необходима мне. Да и она, конечно же, во мне нуждается.

– Мне пришлось искать тебя несколько недель, – говорю я.

– Приемная семья меня достала. Одной мне гораздо лучше.

– Если бы тебя сейчас увидела твоя мама, она очень огорчилась бы.

– У нее никогда не было времени для меня.

– Может, потому, что она работала на двух работах, пытаюсь прокормить тебя? Ведь в этом вопросе она могла рассчитывать

только на себя.

– Никто не считался с ней. Я ни разу не видела, чтобы она защищала свои интересы. Она и меня-то не защищала.

– Она была напугана.

– Она была слабохарактерной.

Я наклоняюсь вперед, придя в бешенство из-за этой неблагодарной мерзавки.

– Ты даже вообразить не можешь, как сильно страдала твоя бедная мать. Она все для тебя делала.

Я с отвращением швыряю девчонке ее сигарету. Нет, раньше она представлялась мне совсем иной. Пусть она сильна и бесстрашна, но эта девочка больше не испытывает чувства долга по отношению к покойным отцу и матери, не знает, что такое честь семьи. Без связи с предками мы не более чем несомые ветром, бесцельно блуждающие пылинки, ни к кому и ни к чему не прикрепленные.

Я поднимаюсь, оплатив счет за ее ужин.

– Надеюсь, что в один прекрасный день у тебя достанет мудрости понять, чем твоя мать пожертвовала ради тебя.

– Вы уходите?

– Мне нечему учить тебя.

– А с чего вы вообще решили меня обучать? Зачем вы стали искать меня?

– У меня была надежда, что ты другая. Что я смогу обучить тебя. А ты поможешь мне.

– Помогу сделать – что?

Я не знаю, как ответить на ее вопрос. Некоторое время мы молчим, слушая лишь неприятные металлические звуки мариачи, которые льются из ресторанных динамиков.

– Ты помнишь своего отца? – спрашиваю я. – Помнишь, что с ним случилось?

Девочка изумленно смотрит на меня:

– Так вот в чем дело, правильно? Поэтому вы и приехали искать меня. Потому что мама написала вам о нем.

– Твой отец был хорошим человеком. Он любил тебя, а ты позоришь его. Позоришь обоих родителей. – Я кладу перед ней стопку банкнот. – Это в память о них. Прекрати шататься по улицам и возвращайся в школу. По крайней мере там тебе не придется отбиваться от незнакомых мужчин. – Я поворачиваюсь и выхожу из ресторана.

Через несколько секунд она тоже появляется в дверях и бежит за мной.

– Подождите! – кричит она. – Куда же вы?

– Домой, в Бостон.

– Я помню вас. И по-моему, знаю, чего вы хотите.

Остановившись, я оборачиваюсь к ней:

– Этого же должна хотеть и ты.

Я окидываю девочку взглядом с головы до ног и вижу костлявые плечики и узкие бедра, на которых едва держатся ее синие джинсы.

– Дело не в том, что нужно делать, – продолжаю я, – а в том, кем ты должна быть.

Я медленно приближаюсь к девочке. До этого момента у нее не было причин опасаться меня, да и кого ей было бояться. Я всего-навсего женщина. Однако то, что она сейчас видит в моих глазах, заставляет девочку отступить назад.

– Боишься? – тихо спрашиваю я.

– Нет. Не боюсь, – с глупой хвастливостью отвечает она, вздернув подбородок.

– А должна бы.

2

Семь лет спустя

– Мое имя – доктор Маура Айлз. Фамилия пишется так: А-Й-Л-З. Я патологоанатом, работаю в бюро судмедэкспертизы штата Массачусетс.

– Доктор Айлз, расскажите, пожалуйста, суду о своем образовании и профессиональном опыте, – попросила помощница прокурора округа Суффолк Кармела Агилар.

Отвечая на просьбу, Маура не сводила глаз с помощницы окружного прокурора. Сосредоточиться на бесстрастном лице Агилар было гораздо проще, чем ловить недобрые взгляды обвиняемого и нескольких десятков его сторонников, собравшихся в зале суда. Похоже, Агилар не замечала, что ее доводы по делу публика принимает в штыки, а может, это просто ее не заботило. Однако Маура очень остро ощущала настроение публики, ведь бóльшая часть ее состояла из служителей закона и их друзей. А им уж точно не понравится то, что она собирается сказать.

Обвиняемым был сотрудник Бостонского управления полиции Уэйн Брайан Графф, широкоплечий человек с квадратным подбородком – этакое воплощение всеамериканского героя. Публика в зале сочувствовала Граффу, а вовсе не жертве – побитому и поломанному мужчине, полгода назад оказавшемуся у Мауры на секционном столе. Мужчине, которого никто не оплакивал, чье тело никто не забрал. За два часа до гибели этот человек совершил смертный грех – он стрелял в полицейского и убил его.

Приступая к рассказу о своей биографии, Маура чувствовала, что взгляды собравшихся в зале суда прожигают ей лицо, точно горячие лазерные лучи.

– Я закончила Стэнфордский университет со степенью бакалавра антропологии, – сообщила она. – Свой медицинский диплом я получила в Калифорнийском университете в Сан-Франциско,

а затем в том же учебном заведении окончила пятилетнюю резидентуру по патологии. Я сертифицированный специалист по патологической анатомии и клинической патологии. После резидентуры я окончила двухгодичную аспирантуру по специальности судебная патологоанатомия в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

– И вы сертифицированный специалист в своей области?

– Да, мэ. В общей и судебной патологии.

– А где вы работали, прежде чем поступили в бостонское бюро судмедэкспертизы?

– Я семь лет служила патологом в бюро судмедэкспертизы города Сан-Франциско, штат Калифорния. И владею лицензиями на медицинскую практику в Массачусетсе и Калифорнии.

Маура рассказала даже больше, чем ее просили, и теперь заметила, как нахмурилась Агилар – доктор Айлз нарушила запланированную череду вопросов. Маура неоднократно излагала эти сведения в суде и прекрасно знала, о чем именно ее будут спрашивать, потому ответы вылетали из ее рта почти автоматически. Где она училась, что от нее требует работа и достаточно ли она компетентна, чтобы свидетельствовать по конкретному делу.

Наконец-то Агилар покончила с формальностями и перешла к деталям.

– Проводили ли вы в октябре прошлого года вскрытие тела, принадлежавшего человеку по имени Фабиан Диксон?

– Да, – ответила Маура. Ответ вполне прозаичный, однако она тут же почувствовала, как возросло напряжение в зале суда.

– Расскажите нам, как вышло, что господин Диксон оказался в бюро судмедэкспертизы.

Взгляд Агилар был сосредоточен на Мауре – она словно говорила: «Не обращайтесь внимания на тех, кто сидит в зале. Смотрите только на меня и излагайте факты».

Маура выпрямилась и начала говорить – достаточно громко, чтобы ее слышали все собравшиеся.

– Покойника – двадцатичетырехлетнего мужчину – обнаружили на заднем сиденье патрульной машины Бостонского УП. Это случилось спустя приблизительно двадцать минут после его ареста. На машине «скорой помощи» его перевезли в Массачусетскую общую больницу, а после прибытия в отделении экстренной помощи констатировали смерть.

– И поэтому он попал в бюро судмедэкспертизы?

– Да, поэтому. Впоследствии его перевезли в наш морг.

– Опишите суду, как выглядел господин Диксон, когда вы впервые его увидели.

Маура обратила внимание на то, что Агилар назвала мертвеца по имени, а не «телом» или «покойным». Таким образом она напомнила суду, что жертва была человеком. У него были имя, лицо и собственная жизнь.

Доктор Айлз последовала ее примеру.

– Господин Диксон был хорошо развитым мужчиной среднего роста и веса, прибывшим в наше учреждение в одних лишь хлопчатобумажных трусах и носках. Прочую одежду сняли ранее, во время попыток реанимации в отделении неотложной помощи. На его груди по-прежнему были закреплены электроды ЭКГ, в левой руке остался внутривенный катетер... – Она умолкла. Вот теперь Маура действительно испытывала неудобство. Она старалась не смотреть на собравшуюся публику и обвиняемого, но прекрасно знала, что их глаза направлены на нее.

– А состояние его тела? Не могли бы вы описать его нам? – потребовала ответа Агилар.

– Множественные кровоподтеки на груди, левом боку и верхней части живота. Веки на обоих глазах вспухли, на губах и коже головы были рваные раны. Не хватало двух зубов – передних верхних резцов.

– Протестую! – Адвокат защиты поднялся со своего места. – Невозможно узнать, когда он потерял эти зубы. Возможно, их не было уже давно.

– Один зуб отобразился на рентгене. В желудке, – возразила Маура.

– Свидетель должен воздержаться от комментариев до моего приказа, – суровым голосом произнес судья. Он посмотрел на адвоката защиты. – Протест отклоняется. Продолжайте, госпожа Агилар.

Помощница окружного прокурора кивнула, ее губы изогнулись в улыбке, и она снова сосредоточилась на Мауре.

– Итак, господин Диксон был серьезно избит, на нем были рваные раны и по крайней мере один из его зубов был выбит совсем недавно.

– Да, – ответила Маура. – Это видно на фотографиях из морга.

– Если суд не возражает, мы хотели бы сейчас показать эти фотографии, – объявила Агилар. – Я должна предупредить публику, что смотреть на них неприятно. Если кто-либо из присутствующих в зале суда предпочел бы не смотреть на них, я рекомендовала бы им удалиться прямо сейчас. – Умолкнув, она оглядела помещение.

Из зала никто не вышел.

Когда на экране возник первый слайд с изображением избитого тела Фабиана Диксона, в зале раздались едва слышные вздохи. Маура не стала расписывать кровоподтеки Диксона во всех подробностях, потому что знала: фотографии расскажут о них куда лучше. Изображения нельзя обвинить во лжи или в том, что они заняли чью-либо сторону. Правда, представленная на этом снимке, была очевидна каждому: прежде чем поместить Фабиана Диксона на заднее сиденье патрульной машины, его жестоко избили.

Прочие снимки сопровождались пояснениями Мауры, описывающей то, что она обнаружила при вскрытии. Множественные переломы ребер. Проглоченный зуб в желудке. Аспирированная кровь в легких. И причина смерти – разрыв селезенки, повлекший за собой обширное внутрибрюшное кровотечение.

– И каков же характер смерти господина Диксона, доктор Айлз? – спросила Агилар.

Это был ключевой вопрос, на который Маура страшилась ответить, потому что знала, какими будут последствия.

– Убийство, – вымолвила она.

Маура не обязана была указывать виновника. Она свела свой ответ к одному-единственному слову, но не удержалась и посмотрела на Уэйна Граффа. Обвиняемый сидел неподвижно, лицо его казалось непроницаемым, словно было выточено из гранита. Более десяти лет этот полицейский верой и правдой служил Бостону. С десятков свидетелей, дававших показания о его репутации, уверяли суд, что полицейский Графф отважно приходил им на помощь. Он герой, утверждали свидетели, и Маура верила им.

Однако 31 октября, в тот вечер, когда Фабиан Диксон убил полицейского, Уэйн Графф и его напарник превратились в ангелов мщения. Они произвели арест, и в момент смерти Диксон был у них под стражей. «Задержанный был возбужден и агрессивен, как будто находился под действием фенилциклидина или крэка», – отметили они в официальном отчете. Полицейские описали безумное сопротивление Диксона, его нечеловеческую силу. Чтобы затолкать задержанного в патрульную машину, оба полицейских якобы вступили в настоящий рукопашный бой. «Его пришлось сдерживать силой, однако он словно не чувствовал боли. Во время борьбы он издавал стоны и животные звуки, а также пытался снять одежду, хотя в ту ночь было всего четыре градуса». Напарники чересчур точно описали хорошо известное состояние возбуждения и бреда, погубившее других заключенных-кокаинщиков.

Однако спустя несколько месяцев токсикологический анализ показал, что в организме Диксона присутствовал только алкоголь. С этого момента у Мауры не осталось сомнений, что задержанный умер насильственной смертью. И теперь один из убийц сидел за столом защиты и пристально смотрел на доктора Айлз.

– У меня больше нет вопросов, – объявила Агилар. Она опустилась на свое место с уверенным видом, словно решила, что выступила успешно.

Адвокат Моррис Уэйли поднялся для проведения перекрестного допроса, и Маура почувствовала, как напряглись ее мышцы. Подходя к свидетельской трибуне, Уэйли казался вполне радушным, словно просто решил начать дружескую беседу. Если бы они встретились на каком-нибудь приеме, Маура сочла бы этого привлекательного мужчину в костюме от «Братьев Брукс»^[1] приятным собеседником.

– Полагаю, все мы потрясены вашим профессиональным опытом, доктор Айлз, – сказал он. – А потому я не стану тратить время судебного заседания на обзор ваших научных достижений.

Маура ничего не ответила, она просто смотрела в улыбающееся лицо адвоката и раздумывала: с какой же стороны последует нападение?

– Полагаю, никто из присутствующих в этом зале не усомнился в том, каким упорным трудом вы завоевали свое нынешнее положение, – продолжал Уэйли. – Особенно принимая во внимание, с какими сложностями за последние месяцы вам пришлось столкнуться в личной жизни.

– Протестую! – Испутив раздраженный вздох, Агилар поднялась со своего места. – Это не имеет отношения к делу.

– Имеет, ваша честь, – возразил Уэйли. – Это касается суждений свидетеля.

– Каким образом? – осведомился судья.

– Прошлый опыт может отразиться на том, как свидетель истолковывает доказательства.

– О каком опыте идет речь?

– Если вы позволите мне рассмотреть эту тему, все станет очевидно.

Судья пристально посмотрел на Уэйли:

– В данную минуту я позволю задавать вопросы по этой теме. Но только в данную минуту.

Нахмурившись, Агилар снова села на свое место.

Уэйли опять сосредоточил внимание на Мауре.

– Доктор Айлз, вы, случайно, не помните дату посмертного обследования покойного?

Маура замерла, потрясенная тем, что адвокат так внезапно сменил тему, снова заговорив о вскрытии. От ее внимания не ускользнул тот факт, что он намеренно не назвал убитого по имени.

– Вы говорите о господине Диксоне? – спросила она и заметила, как в его глазах мелькнуло раздражение.

– Да.

– Дата вскрытия – первое ноября прошлого года.

– И вы установили причину смерти в тот самый день?

– Да. Как я говорила ранее, он умер от обширного внутреннего кровоизлияния, последовавшего за разрывом селезенки.

– А характер смерти вы указали в тот же самый день?

Маура помедлила.

– Нет. Во всяком случае, неокончательно...

– А почему?

Маура сделала глубокий вдох, ощущая, что все взгляды обращены на нее.

– Я хотела дождаться результатов токсикологического скрининга и понять, действительно ли господин Диксон находился под влиянием кокаина или иных препаратов. Хотела проявить осторожность.

– И должны были ее проявить. Ведь ваше решение способно разрушить карьеру и даже жизнь двух преданных своему делу блюстителей порядка.

– Я занимаюсь лишь фактами, господин Уэйли, к каким бы заключениям они ни приводили.

Ответ адвокату не понравился – Маура поняла это по тому, как дернулась мышца на его подбородке. Остатки его видимого радушия испарились: теперь началась битва.

– Итак, вы провели вскрытие первого ноября, – продолжил он.

– Да.

– А что произошло после этого?

– Я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

– Отправились ли вы куда-то на выходные? И проводили ли другие вскрытия в течение последующей недели?

Маура пристально посмотрела на адвоката. Тревога змеей извивалась где-то внутри, в животе. Она не знала, куда клонит Уэйли, но это в любом случае ей не нравилось.

– Я поехала на патологоанатомическую конференцию, – ответила Маура.

– В Вайоминг, я полагаю.

– Да.

– И там произошла история, которая травмировала вас. На вас напал мерзавец в полицейском мундире.

Агилар вскочила на ноги.

– Протестую! Это не имеет отношения к делу!

– Протест отклоняется, – ответил судья.

Уэйли улыбнулся – теперь путь был свободен, и он мог задавать вопросы, которые пугали Мауру.

– Верно ли это, доктор Айлз? На вас напал полицейский?

– Да, – прошептала она.

– Боюсь, я не расслышал ваш ответ.

– Да, – повторила Маура громче.

– И как же вам удалось выжить?

Зал погрузился в гробовое молчание – все ждали ее рассказа. А Маура не хотела даже вспоминать об истории, из-за которой ей по-прежнему снились кошмары. В ее памяти всплыл тот одинокий холм в штате Вайоминг. Маура припомнила, как хлопнула дверь машины заместителя шерифа и как она оказалась на заднем сиденье, за прутьями решетки, словно задержанная. Вспомнила ужас, охвативший ее, когда она тщетно барабанила в окно в попытке сбежать от человека, который – и Маура это знала – собирался убить ее.

– Доктор Айлз, как вам удалось выжить? Кто пришел к вам на помощь?

Маура нервно сглотнула.

– Мальчик.

– Шестнадцатилетний Джулиан Перкинс, я полагаю. Юноша, выстреливший в полицейского и убивший его.

– У Джулиана не было выбора!

Уэйли вскинул голову:

– Вы защищаете паренька, который убил полицейского?

– *Нехорошего* полицейского!

– А потом вы вернулись в Бостон и объявили, что господина Диксона убили.

– Потому что его действительно убили.

– А может, это просто несчастный случай? Неизбежное следствие ситуации, когда разъярившийся задержанный оказывает сопротивление и его необходимо смирить?

– Вы сами видели фотографии из морга. Полиция применила куда больше силы, чем это было необходимо.

– Но ведь Джулиан Перкинс, паренек из Вайоминга, поступил точно так же. Он застрелил заместителя шерифа. Вы считаете такое проявление силы позволительным?

– Протестую! – воскликнула Агилар. – Доктор Айлз не состоит под судом.

Уэйли продолжал напирать – не сводя глаз с Мауры, он задал очередной вопрос:

– Что же случилось в Вайоминге, доктор Айлз? Может, когда вы боролись за свою жизнь, вас настигло прозрение? Вы вдруг поняли, что полиция – враг?

– Протестую!

– А может, полиция всегда была врагом? Кажется, некоторые члены вашей семьи именно так и считали.

Молоток судьбы ударил по столу.

– Господин Уэйли, вы отправляетесь на свое место – *немедленно*.

Пока адвокат и помощница окружного прокурора совещались с судьей, потрясенная Маура опустила на свое место. Значит, вот до чего дошло дело – начали ворошить историю ее семьи. Вероятно, любой бостонский полицейский знает, что ее мать Амальтея отбывает пожизненный срок в женской тюрьме во Фрамингеме. «Это чудовище, давшее мне жизнь, – пронеслось в голове у Мауры. – Смотрящие на меня люди наверняка задаются вопросом: а может, в мою кровь проникло то же самое зло?» Маура заметила, что на нее неотрывно смотрит обвиняемый, полицейский Графф. Их глаза встретились, и губы подсудимого изогнула улыбка. «А вот и последствия, – прочитала Маура в глазах подсудимого. – Вот что бывает, если предашь блюстителей порядка».

– Суд удаляется на перерыв, – объявил судья. – Мы возобновим заседание в два часа.

Присяжные гуськом вышли из зала, а Маура тяжело откинулась на спинку стула и не заметила, что рядом с ней стоит Агилар.

– Это грязная игра, – проговорила помощница прокурора. – Такое нельзя было допускать.

– Он все свалил на меня, – отозвалась Маура.

– Да, но ведь ему больше нечем было крыть. Потому что фотографии со вскрытия выглядели чертовски убедительно. – Агилар пристально посмотрела на Мауру. – Может быть, мне следует знать о вас что-нибудь еще, доктор Айлз?

– Кроме того, что моя мать осуждена за убийства, а я сама с удовольствием истязую котят?

– Мне не до смеха.

– Вы же сами сказали. В этом деле подсудимая – не я.

– Нет, но они постараются сделать вас центром внимания. Станут рассуждать, действительно ли вы ненавидите копов и есть ли у вас скрытые мотивы. Мы можем проиграть это дело, если коллегия присяжных решит, что вы были недостаточно честны. Поэтому расскажите мне, могут ли они завести речь еще о чем-нибудь. Выложите мне все секреты, о которых умолчали.

Маура подумала о личных сложностях, скрытых от посторонних глаз. О недозволенной любовной связи, которую порвала совсем недавно. О семейной истории насилия.

– У всех есть свои секреты, – проговорила она. – Мои к делу не относятся.

– Будем на это надеяться, – ответила Агилар.

3

Куда ни кинь взгляд в бостонском Китайском квартале – везде таятся привидения. Они обитают в тихом квартале Тайтун-Виллидж и на пестрой Бич-стрит, парят над аллеей Пинъань и носятся над темным переулком за Оксфордской площадью. В этих местах повсюду скрывались дүхи. Во всяком случае, такова была версия экскурсовода Билли Фу, и он от нее не отступал. Вряд ли имело значение, верил он сам в привидения или нет, его задачей было убедить туристов, что на этих улицах обитают духи. Людям хотелось верить в привидения, поэтому многие с радостью платили по пятнадцать баксов с носа, а потом, поживаясь от ужаса, стояли на пересечении Бич-стрит и Оксфордской площади и слушали, как Билли рассказывает о кровавых убийствах. Сегодня целых тринадцать туристов записались на вечернюю экскурсию «Привидения Чайна-тауна», в их число попали также шкодливые десятилетние близнецы, которых нужно было уложить спать еще три часа назад. Однако, когда ты нуждаешься в деньгах, не станешь отвергать никого, даже непослушных мальчишек, за которых тебе заплатят. Билли учился на факультете театрального искусства, и надежд на постоянную работу у него пока не было, однако сегодняшний улов составил целых сто девяносто пять долларов плюс чаевые. Очень неплохая сумма за двухчасовой пересказ небылиц, даже если для этого приходится унижаться, нацепив атласное одеяние мандарина и накладную косичку.

Билли откашлялся и воздел руки к небу, словно стараясь призвать все умения, которые получил за шесть семестров на театральном, и таким образом завладеть вниманием своих зрителей.

– Тысяча девятьсот седьмой год! Жаркий вечер. Пятница, второе августа. – Его низкий зловещий голос заглушал отвлекающие уличные шумы. Слово Смерть, избравшая очередную жертву, Билли указал на противоположную сторону улицы. – Там, на площади,

которая носит название Оксфордская, бьется сердце бостонского Китайского квартала. Пойдемте со мной, и вы попадете в те времена, когда здешние улицы кишели иммигрантами. В душный вечер, пахнувший разгоряченными телами и неведомыми специями. Давайте перенесемся в тот вечер, когда в воздухе чувствовалось убийство!

Эффектно взмахнув рукой, он предложил группе следовать за ним к Оксфордской площади. Там туристы столпились вокруг своего экскурсовода, приготовившись слушать. Увидев, какое внимательное выражение приобрели их лица, Билли решил: а сейчас пора очаровать их – заморозить так, как может заморозить лишь прекрасный актер. Он раскинул руки – рукава его одеяния затрепетали, словно атласные крылья, – сделал глубокий вздох и собрался заговорить.

- Ма-а-а-ам-мааа! – взвыл один из мальчишек. – Он дерется!
- Майкл, прекрати! – рявкнула мать. – Прекрати сию же минуту.
- А я ничего не делал!
- Ты донимаешь брата.
- Это он меня донимает.
- Может, вы хотите вернуться в гостиницу, мальчики? *Хотите?*

«О боже, – подумал Билли, – хоть бы уж вы вернулись в гостиницу». Но братья продолжали стоять – сложив руки на груди и сердито поглядывая друг на друга, они отказывались воспринимать его истории.

– Как я уже говорил... – попробовал продолжить Билли, но заминка сбила его с толку. Ему даже показалось, что он услышал, как – пуффф! – эффектное напряжение улетучилось, словно воздух из проколотого шарика. Билли взял себя в руки и снова заговорил: – Стоял душный августовский вечер. На эту площадь после долгого трудового дня из прачечных и продуктовых магазинов толпой вывалили отдыхать китаезы. – Билли ненавидел слово «китаезы», но все равно заставил себя произнести его, чтобы нагляднее представить эпоху, когда газеты то и дело писали о «коварных

и зловещих азиатах». Когда даже журнал «Тайм» считал уместным следующее описание: «Злоба – слабая полуулыбка на желтых, точно телеграфные бланки, лицах». В ту пору Билли Фу, американец китайского происхождения, мог бы стать лишь прачечником, поваром или чернорабочим.

– Здесь, на этой площади, вот-вот разразится сражение, – проговорил Билли. – Сражение двух враждебных китайских кланов, Аньлян и Хипсин. Схватка, которая обагрит это место кровью... Кто-то пускает шутиху. И вдруг площадь взрывается орудийным огнем! Напуганные китаезы толпами убегают прочь. Однако некоторые не в силах двигаться так быстро, и, когда выстрелы стихают, оказывается, что пять человек погибли или лежат при смерти. Они всего-навсего новые жертвы печально известных кровавых войн между тонгами...^[2]

– Мамочка, а мы можем уйти прямо сейчас?

– Тсс! Слушай, что рассказывает дядя.

– Но он такой ску-у-учный.

Билли умолк – руки чесались схватить этого маленького сопляка за горло. Он смерил гаденыша ядовитым взглядом. На мальчишку это не произвело никакого впечатления – он лишь пожал плечами.

– В туманные вечера вроде нынешнего, – сквозь зубы продолжал Билли, – порой можно услышать отдаленные взрывы таких шутих. Увидеть призрачные фигуры, пролетающие мимо в смертельном ужасе, – они по-прежнему стремятся укрыться от пуль, выпущенных в тот вечер! – Билли повернулся и взмахнул рукой. – А сейчас давайте отправимся на противоположную сторону Бич-стрит. К очередному обиталищу призраков.

– Мама. Мамочка!

Не обращая внимания на маленького засранца, Билли перевел группу через дорогу. «Улыбайся, продолжай болтать, – мысленно велел он себе. – От этого зависят твои чаевые». Ему нужно было продержаться всего-навсего час. Сначала они отправятся на Напп-стрит, а затем остановятся на Тайлер-стрит, возле игорного дома, где

в девяносто первом убили пятерых мужчин. В Китайском квартале хватало мест преступлений.

Билли повел группу по Напп-стрит. Она скорее походила на узкий проулок, почти безлюдный и плохо освещенный. Когда огни и оживленное движение Бич-стрит остались позади, температура воздуха словно бы резко упала. Билли поежился и плотнее запахнул свой атласный халат. Он и раньше замечал тревожную смену климата, двигаясь по этому участку Наппа. Здесь ему становилось зябко даже теплыми летними вечерами, словно холод, давно поселившийся в этом переулке, не собирался рассеиваться. Похоже, туристы тоже заметили это – Билли слышал, как они застегивают куртки, видел, что они достают из карманов перчатки. Группа притихла, и слышалось только эхо их шагов, отражавшееся от зданий, что возвышались по обе стороны. Даже маленькие школьники хранили молчание, словно ощутили перемену атмосферы. Здесь сохранилось нечто, поглощающее любой смех и любую радость.

Билли остановился возле заброшенного здания, вход в которое перекрывала запертая решетчатая дверь; окна первого этажа защищали железные прутья. Ржавая пожарная лестница карабкалась вверх – к третьему и четвертому этажам: там все окна были накрепко заколочены, словно должны были удержать внутри какого-то неизвестного пленника. Группа сбилась в тесную кучку, пытаясь согреться. А может, помимо холода, туристы чувствовали здесь присутствие чего-то еще, того, что заставило их сжаться тесным кружком, ища друг у друга защиты?

– Добро пожаловать на место одного из самых жутких преступлений в Чайна-тауне, – начал Билли. – Вывеска с этого здания исчезла, но девятнадцать лет назад за окнами, которые теперь зарешечены, находился небольшой китайский ресторанчик «Красный феникс», где подавали блюда из морепродуктов. Заведение было скромным – внутри помещалось всего восемь столов, – но славилось свежими моллюсками. Это случилось поздним вечером тридцатого марта, в сырую и холодную погоду. Тем

вечером даже обыкновенно шумные улицы Китайского квартала казались до странности тихими. В «Красном фениксе» работали всего двое – официант, Джимми Фан, и повар, нелегальный иммигрант из Китая по имени У Вэйминь. В ресторан пожаловали трое гостей, и этот вечер стал последним в их жизни. Потому что в кухне творилось что-то недоброе. Мы никогда не узнаем, почему у повара вдруг изменилось настроение и он впал в ярость. Возможно, виной тому долгие часы тяжелой работы. А может, он горевал из-за того, что был чужаком в незнакомой стране.

Билли немного помолчал. Его голос понизился до жутковатого шепота.

– Или же им овладела какая-то потусторонняя сила, некое зло взяло над ним верх. Оно заставило его вытащить пистолет и ворваться в зал. Зло по-прежнему обитает здесь, на этой темной улице. Нам известно лишь то, что повар прицелился и... – Билли осекся.

– И – что? – с тревогой спросил кто-то.

Однако Билли неотрывно смотрел вверх, не обращая внимания на вопрос. Его взгляд был устремлен на крышу – он готов был поклясться: там что-то двигалось. Что-то черное скользнуло во тьме, словно в небе взмахнуло крыло гигантской птицы. Билли напрягся, сию секунду снова разглядеть это крыло, но так ничего и не увидел, кроме прижавшегося к стене скелетообразного очертания пожарной лестницы.

– И что случилось потом? – потребовал ответа один из мальчишек.

Билли осмотрел лица всех тринадцати туристов, которые выжидательно смотрели на своего экскурсовода, и попытался вспомнить, на чем он закончил. Однако он был слишком взволнован тем, что увидел в небе. Ему вдруг страшно захотелось бежать из этого темного переулочка, оказаться как можно дальше от жуткого здания. До того захотелось, что лишь невероятным усилием воли

Билли заставил себя устоять на месте и не помчаться прочь – к Бич-стрит. К ее огням. Сделав глубокий вдох, он выпалил:

– Повар застрелил их. Застрелил всех. А потом убил себя.

С этими словами Билли отвернулся и махнул рукой, быстро увлекая туристов подальше от этого загубленного здания и живущих в нем отголосков ужаса. До Гаррисон-авеню оставалось всего несколько домов, его огни и шум машин неодолимо манили к себе. Там обитают живые, а не мертвые. Билли шагал так быстро, что группа отставала от него, однако ему не удавалось отделаться от ощущения опасности, которая, казалось, подбиралась к ним все ближе и ближе. Его преследовало чувство, что за группой кто-то наблюдает. Что кто-то наблюдает за ним самим.

Пронзительный женский крик заставил его резко обернуться. В груди у Билли шумно заколотилось сердце. И тут группа разразилась громким хохотом, а один из мужчин сказал:

– Эй, отличный реквизит! Вы его на всех экскурсиях используете?

– Что? – не понял Билли.

– Да мы испугались до ужаса! Черт, она совсем как настоящая.

– Я не понимаю, о чем вы, – ответил Билли.

Мужчина указал на предмет, который, по его мнению, был неотъемлемой частью представления.

– Эй, малыш, покажи, что ты нашел.

– Я нашел ее там, возле мусорного контейнера, – заявил один из шkodников, демонстрируя всем свою находку. – Фу-у-у! Она даже на ощупь как настоящая. Гадость!

Приблизившись на несколько шагов к мальчику, Билли вдруг понял, что не в силах пошевелиться, не может произнести ни слова. Он замер, уставившись на предмет, который ребенок держал в руках. Билли видел, как черные капельки, падая вниз, оставляют пятна на куртке мальчика, но тот, похоже, не замечал этого.

Первой закричала мать ребенка. Затем к ней присоединились остальные – завопили, шарахаясь в разные стороны. Озадаченный

мальчишка просто стоял на месте и держал свою добычу, а кровь все капала и капала ему на рукав.

4

– Я только в субботу там ужинал, – сообщил детектив Барри Фрост, когда они ехали в сторону Китайского квартала. – Водил Лиз на балет в Театр Ван. Она любит балет, а я в него вообще не врубаюсь. Взял и заснул на середине. Потом мы прогулялись до ресторана «Восточный город у океана» и поужинали там.

Было два часа ночи – поздновато для такой дурацкой болтовни, однако детектив Джейн Риццоли была сосредоточена на дороге, и потому ее напарник продолжал чесать языком. Уличные фонари казались ей слишком яркими, а свет, исходивший от фар встречных машин, бил по сетчатке усталых глаз. Всего час назад она лежала в постели рядом с мужем, закутавшись в теплое одеяло, теперь же, пытаясь стряхнуть сон, вела машину по улицам с необъяснимо медленным движением, а ведь в такое время всем нормальным гражданам полагается разойтись по домам и лечь спать.

– Ты бывала там? – поинтересовался Фрост.

– Где?

– В «Восточном городе у океана». Лиз заказала эти отличные моллюски с чесноком и соусом из черных бобов. Стоит подумать о них – сразу есть охота. Мне не терпится снова поужинать там.

– А кто такая Лиз? – спросила Джейн.

– Я рассказывал тебе о ней на прошлой неделе. Мы познакомились в фитнес-клубе.

– Я думала, ты встречаешься с какой-то Маффи.

– Мэгги. – Барри пожал плечами. – С ней ничего не вышло.

– Как и с той, что была до нее. Не помню ее имени.

– Слушай, я никак не могу понять, что именно ищу в женщине, понимаешь? Да я уже вообще не помню, как это – быть холостым. Черт, мне и в голову не приходило, что вокруг столько свободных девчонок.

– Женщин.

Барри вздохнул:

– Да, верно. Элис всегда вбивала это мне в голову. В наши времена следует говорить «женщин».

Затормозив на красный свет, Джейн повернулась к напарнику:

– И часто вы теперь разговариваете с Элис?

– А о чем нам разговаривать?

– Может, о десяти годах брака?

Он посмотрел в окно, но, похоже, ничего там не увидел.

– Больше говорить не о чем. У нее другая жизнь.

А у Фроста – прежняя, решила Джейн. Его жена Элис уехала из дома восемь месяцев назад. И с тех пор Джейн вынуждена слушать истории об иступленных, но безрадостных похождениях Фроста. Среди его женщин была пышногрудая блондинка, сообщившая Барри, что не носит нижнего белья. До ужаса спортивная библиотекаря с замусоленной «Камасутрой». Моложавая квакерша, напоившая его до полусмерти. В рассказах Фроста сквозили изумление и недоумение, но чаще всего в глазах напарника Джейн замечала грусть. Барри никак нельзя было назвать плохой кандидатурой. Он был строен, спортивен и по-хорошему привлекателен, так что должен был знакомиться куда легче, чем это у него получалось.

«Однако он все еще скучает по Элис», – поняла Джейн.

Они свернули на Бич-стрит, направляясь в самый центр Китайского квартала, и чуть было не ослепли от проблесковых маячков, мигавших на крыше патрульной машины Бостонского УП. Джейн затормозила позади автомобиля, и напарники вышли на улицу, в промозглую весеннюю ночь. Несмотря на поздний час, на тротуаре собралось несколько зевак. Джейн уловила бормотание на английском и китайском языках. Без сомнения, люди задавали извечный вопрос: «Кто-нибудь знает, что происходит?»

Пройдя по Напп-стрит, Джейн и Фрост нырнули под ленту полицейского оцепления и оказались рядом с охранявшим территорию патрульным.

– Детективы Риццоли и Фрост, отдел убийств, – объявила Джейн. Полицейский был немногословен.

– Вам туда, – произнес он, указывая чуть дальше, на мусорный контейнер, возле которого стоял еще один охранник.

Когда Риццоли и Фрост подошли поближе, Джейн поняла: полицейский охраняет не контейнер, а то, что лежит на мостовой. Она остановилась, неотрывно глядя на отрубленную кисть правой руки.

– Ничего себе! – пробормотал Фрост.

– Я сказал то же самое, – рассмеялся полицейский.

– Кто ее обнаружил?

– Народ, который пришел на экскурсию «Привидения Чайнатауна». Какой-то ребенок из группы поднял ее по дороге, решив, что она ненастоящая. Но рука была настолько свежей, что с нее все еще капала кровь. Как только мальчишка понял, что она настоящая, он сразу же бросил ее вот здесь. Похоже, *такого* на экскурсии никто не ожидал.

– А где теперь все эти туристы?

– Они, конечно, психанули. И потребовали разрешения вернуться в свои гостиницы, но у меня есть их имена и контактная информация. Экскурсовод – какой-то здешний китайский паренек – сказал, что с радостью поговорит с вами в любое удобное время. Кроме руки, никто ничего не видел. Они позвонили по девять-один-один, а диспетчер решила, что ее разыгрывают. Мы тоже не сразу приехали – пришлось задержаться в Чарлзтауне, чтобы разобраться с тамошним хулиганьем.

Джейн опустилась на корточки и осветила руку фонариком. Конечность ампутировали на удивление аккуратно – срез покрылся корочкой засохшей крови. Похоже, рука была женской, с бледными узкими пальцами и поразительно изящным маникюром. Колец на ней не было, часов – тоже.

– Она так и лежала здесь, на земле?

– Да. Такое свежее мясо крысы наверняка тут же учуяли бы.

– Но я не вижу их следов. Значит, она лежала недолго.

– А, я еще кое-что нашел. – Полицейский направил луч фонарика чуть в сторону и осветил тускло-серый предмет, лежавший в нескольких метрах от них.

Фрост приблизился к нему, чтобы получше рассмотреть.

– Это «хеклер и кох». Дорогущий, – сообщил он и посмотрел на Джейн. – С глушителем.

– Никто из туристов не трогал оружие? – спросила Джейн.

– Никто к нему не прикасался, – доложил полицейский. – Они его не видели.

– Итак, мы имеем пистолет с глушителем и недавно отрубленную руку, – подытожила Джейн. – Кто ставит на то, что между ними есть связь?

– Отличная штука, – проговорил Фрост, все еще восхищенно разглядывая оружие. – Не верится, чтобы кто-то просто так бросил его здесь.

Выпрямившись, Джейн взглянула на мусорный контейнер.

– Вы искали там остальные части тела?

– Нет, мэм. Я решил, что отрезанной руки вполне достаточно, чтобы тут же вызвать вас, ребята. Не хотел ни до чего без вас дотрагиваться.

Джейн вынула из кармана латексные перчатки. Натягивая их на руки, она почувствовала, как в предвкушении страшных находок ухает ее сердце. Вместе с Фростом они подняли крышку, и в нос им ударила вырвавшаяся из контейнера вонь гниющих морепродуктов. Борясь с тошнотой, Джейн посмотрела внутрь, на смятые картонные коробки и пухлый мусорный мешок. Напарники переглянулись.

– Справишься? – спросил Фрост.

Джейн сунула руку в контейнер, дернула за край мешка и тут же поняла, что трупа там нет. Мешок не был тяжелым. Морщась от запаха, Риццоли развязала его, заглянула внутрь и увидела панцири креветок и крабов.

Напарники отступили назад. Крышка контейнера, гулко звякнув, захлопнулась.

– Никого? – поинтересовался полицейский.

– Там – никого. – Джейн бросила взгляд на отрубленную руку. – Где же теперь ее тело?

– Может, кто-нибудь разбрасывает куски по всему кварталу? – предположил Фрост.

Полицейский рассмеялся:

– А может, ее потушили в одном из здешних китайских ресторанов и подали с овощами?

Джейн посмотрела на Фроста:

– Хорошо, что ты заказывал моллюски.

– Мы уже прогулялись по округе, – сообщил патрульный. – Но ничего не нашли.

– И все-таки, я думаю, нам тоже стоит пройтись по этим улицам, – заметила Джейн.

Напарники медленно двинулись по Напп-стрит, прорезая тьму лучами своих фонариков. Они видели бутылочные осколки, клочки бумаги, окурки. Но частей тела так и не нашли. В зданиях, возвышавшихся по обе стороны улицы, окна были темными, но Джейн задумалась: а вдруг кто-то следит за ними из этих неосвещенных комнат и видит, как они продвигаются по тихому проулку? Подобную проверку нужно будет провести снова, при свете дня, но Джейн не хотелось упускать улики, особенно те, на которые могло повлиять время. Поэтому они с Фростом медленно шли по переулку к очередному полицейскому оцеплению, закрывающему доступ с Гаррисон-авеню. Там начинались тротуары, светофоры и машины. Однако Джейн и Фрост продолжили внимательно осматривать мостовую на Гаррисон-авеню и Бич-стрит. Когда, сделав круг, они снова оказались у мусорного контейнера, приехали криминалисты.

– Я так понимаю, вы тоже не нашли других частей ее тела, – сказал полицейский Джейн и Фросту.

Джейн смотрела, как оружие и отрубленную руку кладут в пакеты для вещдоков, и думала: зачем убийце понадобилось бросать часть тела на таком видном месте, где ее обязательно обнаружат? Может, он торопился? Или хотел, чтобы ее нашли и восприняли как некое сообщение? Потом взгляд Риццоли метнулся вверх, к пожарной лестнице, взбиравшейся по четырехэтажному зданию, фасад которого смотрел в переулок.

– Нам нужно проверить крышу, – сказала она.

Нижние ступени пожарной лестницы проржавели и опустить их не удалось, поэтому напарникам предстояло подняться на крышу обычным способом – по внутренней лестнице. Выйдя из переулка, они вернулись на Бич-стрит, где располагались подъезды всех ближайших домов. Первые этажи занимали лавки и заведения: китайский ресторан, булочная, азиатский продуктовый магазин. В этот поздний час все они были закрыты. Со второго этажа начинались квартиры. Посмотрев вверх, Джейн заметила, что окна в верхних этажах дома темные.

– Придется нам разбудить кого-нибудь, чтобы нас пустили, – констатировал Фрост.

Джейн приблизилась к группке престарелых китайцев, собравшихся на тротуаре, чтобы понаблюдать за происходящим.

– Кто-нибудь знает жильцов из этого дома? – поинтересовалась она. – Нам нужно войти внутрь.

Старики непонимающе уставились на нее.

– Вот из этого дома, – снова сказала Джейн, указывая на здание. – Нам нужно подняться наверх.

– Знаешь, оттого, что ты заговоришь громче, ничего не изменится, – заметил Фрост. – Не думаю, что они понимают по-английски.

Джейн вздохнула. «Вот тебе и Чайна-таун», – подумалось ей.

– Нам нужен переводчик.

– В участке А-один появился новый детектив. Мне кажется, он китаец.

– Мы его сто лет будем ждать.

Джейн поднялась на крыльцо, посмотрела на имена жильцов и нажала первую попавшуюся кнопку. Звонок прозвучал несколько раз, но никто не ответил. Джейн нажала другую кнопку, и на этот раз в домофоне затрещал чей-то голос.

– Вэй? – сказала какая-то женщина.

– Полиция, – ответила Джейн. – Будьте добры, пустите нас, пожалуйста, в здание.

– Вэй?

– Откройте дверь, пожалуйста!

Через несколько минут в домофоне послышался детский голос:

– Бабушка хочет знать, кто вы такая.

– Детектив Джейн Риццоли, Бостонское УП, – представилась Джейн. – Нам нужно попасть на крышу. Не могли бы вы впустить нас в здание?

Наконец прозвучал зуммер, и дверь открылась.

Этому дому было по крайней мере сто лет, и, как только Джейн и Фрост начали подниматься по лестнице, деревянные ступени заскрипели. Когда напарники оказались на втором этаже, одна из дверей распахнулась, и Риццоли смогла заглянуть в тесную квартирку, из которой с любопытствующим видом высунулись две девчушки. Младшая была примерно того же возраста, что и Реджина, дочка Джейн, и Риццоли, улыбнувшись, задержалась на секунду, чтобы поздороваться.

Вдруг какая-то женщина схватила малышку на руки, и дверь с грохотом захлопнулась.

– Похоже, для них мы большие и страшные чужаки, – заметил Фрост.

Напарники двинулись дальше. Они миновали пролет четвертого этажа и начали подниматься по узкой лестнице на крышу. Выход был не заперт, но дверь, открываясь, издала пронзительный скрип.

Джейн и Фрост вышли наружу, в предрассветную тьму, освещенную лишь рассеянным сиянием городских огней. Включив

фонарик, Джейн увидела пластиковый стол со стульями и цветочные горшки с лекарственными травами. На просевшей веревке, словно призрак на ветру, качалось постиранное белье. Между болтавшимися туда-сюда простынями Джейн заметила кое-что еще – нечто лежавшее на самом краю крыши и скрытое за бельевой завесой.

Не произнеся ни слова, Джейн и Фрост автоматически вынули из карманов бумажные бахилы и, наклонившись, натянули их на обувь. Только после этого они поднырнули под белье и, хрустя бахилами по устилавшему крышу толю, направились к привлекавшему их объекту.

Некоторое время оба молчали. Напарники стояли рядом, направив лучи фонариков на застывшую лужу крови. На то, что лежало в ней.

– Похоже, мы нашли оставшуюся часть ее тела, – заметил Фрост.

5

Чайна-таун находится в самом сердце Бостона, с севера к нему примыкает финансовый квартал, а с запада – зеленая лужайка Коммон-парка. Однако, когда Маура прошла через ворота пайфан с четырьмя резными львами^[3], ей почудилось, будто она оказалась в каком-то другом городе, да что там – в другом мире. Последний раз она была в Чайна-тауне как-то октябрьским утром, в субботу, когда у ворот сидели старики, попивая чай, поигрывая в шашки и сплетничая по-китайски. В тот холодный день они повстречались там с Дэниелом, собираясь позавтракать димсамами. Это был один из последних совместных завтраков, и воспоминания о том дне, словно кинжал, вонзились ей в сердце. Несмотря на ясный весенний рассвет и на то, что этим прохладным утром у ворот сидели те же игравшие в шашки люди, тоска омрачала все вокруг, превращая солнечный свет в сумрак.

Маура прошла мимо ресторанов с витринами, в которых стояли кишевшие морской живностью резервуары, мимо пыльных магазинов с товарами из Китая, забитых мебелью розового дерева, нефритовыми браслетами и резными фигурками из фальшивой слоновой кости, и оказалась в сгущавшейся толпе зевак. Заметив полицейского в форме со значком Бостонского УП – он возвышался над сборищем, состоявшим в основном из азиатов, – Маура направилась к нему.

– Прошу прощения. Я патологоанатом, – объявила она.

Полицейский посмотрел на нее таким холодным взглядом, что сразу стало ясно: он прекрасно знает, кто перед ним. Доктор Маура Айлз, предавшая тех, чья задача – служить и защищать. Из-за ее свидетельских показаний одного из них могут отправить в тюрьму. Полицейский не сказал ни слова, он просто смотрел на Мауру так, будто удивлялся: чего она хочет?

Маура тоже окинула его холодным взглядом.

– Где находится покойная? – осведомилась она.

– Вам придется спросить у детектива Риццоли.

Полицейский не собирался помогать Мауре.

– А она где?

– Доктор Айлз! – окликнул кто-то, предупреждая ответ мрачного копа. Молодой человек азиатской внешности в костюме и галстукe перешел улицу, направляясь прямо к Мауре. – Вас ждут на крыше.

– Где нужно подняться?

– Пойдемте со мной. Я провожу вас наверх.

– Вы недавно работаете в отделе убийств? По-моему, раньше мы с вами не встречались.

– Простите, я должен был сразу же представиться. Я детектив Джонни Тань из участка А-один. Риццоли понадобился здешний житель, который мог бы переводить, а поскольку я по рождению китаец, меня и отправили в ее команду.

– Вы впервые работаете по делу об убийстве?

– Да, мэм. Я всегда мечтал об этом, но стал детективом всего два месяца назад. Так что сейчас я весьма воодушевлен.

Бодрым тоном детектив приказал зевакам разойтись. Когда толпа расступилась, он открыл перед Маурой дверь в подъезд – оттуда пахло чесноком и ладаном.

– Я обратила внимание, что вы говорите на мандаринском диалекте. А кантонский тоже знаете? – поинтересовалась Маура.

– Вы различаете их на слух?

– Раньше я жила в Сан-Франциско. У меня было много коллег-китайцев.

– Мне очень хотелось бы говорить на кантонском, но он для меня темный лес, – признался Тань, когда они начали подниматься по лестнице. – Боюсь, мой мандаринский здесь не особенно-то и нужен. Большинство местных стариков говорят на кантонском и тайшаньском диалектах, так что частенько мне самому необходим переводчик.

– Значит, вы не из Бостона.

– Я родился и вырос в Нью-Йорке. А мои родители из провинции Фуцзянь.

Добравшись до самой верхней двери, они вышли на крышу, на ослепительное утреннее солнце. Сощурившись от яркого света, Маура увидела, что криминалисты уже осматривают крышу, и услышала чей-то оклик:

– Я тут еще одну гильзу нашел!

– И что, их теперь пять?

– Пометь и упакуй.

Голоса внезапно умолкли. Маура поняла, что криминалисты заметили ее появление и теперь смотрят в ее сторону. Предательница приехала.

– Эй, док! – крикнула Джейн, направляясь к подруге. Ее темные волосы развевались на ветру. – Я так понимаю, Тань все-таки отыскал тебя.

– А откуда здесь гильзы? – удивилась Маура. – По телефону ты говорила об ампутации.

– Так и есть. Однако внизу, в проулке, мы нашли пистолет «хеклер и кох». Похоже, тут выпустили несколько пуль. По крайней мере пять.

– Кто-нибудь сообщал о выстрелах? Нам известно приблизительное время стрельбы?

– Пистолет с глушителем, так что никто ничего не слышал. – Джейн повернулась и показала рукой в сторону. – Убитая там.

Натянув бахилы и перчатки, Маура направилась вслед за Джейн к накрытому простыней телу, лежавшему у самого края крыши. Там она наклонилась, приподняла пластиковый покров и, не в силах произнести ни слова, уставилась на покойницу.

– Ага. Мы тоже сначала обалдели, – сообщила Джейн.

Убитая оказалась белой женщиной лет тридцати с небольшим, худощавой, спортивной и одетой во все черное – на ней были фуфайка с капюшоном и легинсы. Тело уже полностью окоченело.

Женщина лежала на спине, уставившись в небо, словно улеглась полюбоваться на звезды. Ее волосы роскошного темно-рыжего оттенка были собраны в хвостик на затылке, бледная кожа выглядела безупречно, а в форме скул – красивых, как у фотомодели, – угадывалось что-то славянское. Но больше всего Маура привлекла рана – порез был поразительно глубоким. Убийца одним ударом сумел рассечь кожу, мышечную и хрящевую ткани, разрубить полость трахеи и обнажить перламутровую поверхность шейных позвонков. Вырвавшийся из раны фонтан артериальной крови был настолько мощным, что красные брызги виднелись теперь на довольно большом расстоянии от тела – алые пятна запачкали даже белье, висевшее на веревке чуть поодаль.

– Ампутированная рука упала вниз, в проулок, – сообщила Джейн. – Точно так же, как «хеклер и кох». Догадываюсь, что на рукоятке – отпечатки убитой. А на руке мы обнаружим следы выстрела.

Оторвав взгляд от шеи женщины, Маура устремила его на запястье. Кисть отделили от него очень ровно, и доктор Айлз попыталась представить себе, какой инструмент мог настолько легко разрубить хрящевую и костную ткани. Наверняка он был ужасающе острым, и в ход его пустили без всяких колебаний. Маура вообразила резкий удар лезвия и кисть руки, отвалившуюся и упавшую с крыши. Представила, как то же самое лезвие прорезает изящную шею.

Поежившись, она выпрямилась и посмотрела вниз, на полицейских, которые стояли у дальнего конца Напп-стрит и загоразивали путь любопытным. Казалось, толпа стала вдвое больше, чем была всего несколько минут назад, хотя утро еще только начиналось. Вечно неугомонные зеваки всегда чуют кровь.

– Ты уверена, что тебе нужно было приезжать сюда? – спокойно поинтересовалась Джейн.

Маура обернулась к подруге:

– А почему бы и нет?

– Просто думаю, не слишком ли рано ты снова взялась за работу. Я знаю, что у тебя была тяжелая неделя – суд и все прочее. – Джейн ненадолго умолкла. – Похоже, Граффу теперь придется несладко.

– Ему и не должно быть сладко. Он убил человека.

– А этот человек убил полицейского. Хорошего копа, у которого остались жена и дети. Могу признаться честно, я тоже не сдержалась бы.

– Прошу тебя, Джейн. Только не говори, что ты защищаешь Граффа.

– Я работала с ним и могу сказать: трудно представить себе человека, который способен прикрыть твою спину лучше, чем он. Ты ведь знаешь, что происходит с полицейскими, когда они оказываются в тюрьме?

– Я не должна ни в чем оправдываться. Мне прислали достаточно писем с угрозами. Не стоит присоединяться к этому хору.

– Я просто хочу сказать, что сейчас – сложное время. Мы все уважаем Граффа и понимаем, почему он сорвался в тот вечер. Убийца полицейского мертв, и, возможно, в этом и состоит правосудие.

– Отправление правосудия – не моя обязанность. Я констатирую факты.

Джейн язвительно рассмеялась:

– Ага, для тебя ведь только факты имеют значение, верно?

Обернувшись, Маура взглянула на другой конец крыши, где работали криминалисты. «Пропусти это мимо ушей и сосредоточься на работе, – мысленно приказала она себе. – Ты представляешь здесь погибшую женщину, а прочие тебя волновать не должны».

– Что она делала на крыше? – поинтересовалась Маура.

Джейн опустила взгляд на тело:

– Понятия не имею.

– А нам известно, как ей удалось попасть сюда?

– Возможно, она воспользовалась пожарной лестницей или обычной, внутренней. Стоит только оказаться на одной из крыш –

и можно бродить по домам всего микрорайона, от Гаррисон-авеню до Напп-стрит. Она могла войти в любое здание. Или, если уж на то пошло, ее высадили из вертолета. Ни один из опрошенных не видел ее вчера вечером. Когда мы обнаружили убитую, она только начала коченеть.

В очередной раз Маура пристально оглядела жертву и нахмурилась.

– Странно, что она одета во все черное.

– Говорят, черное ко всему подходит.

– Удостоверения личности не нашли?

– Нет. У нее в карманах обнаружили только триста долларов и ключ от «хонды». Мы пытаемся найти машину в округе. – Джейн покачала головой. – Жаль, что она ездила не на «юго», а то наши старания напоминают поиск иголки в целом стогу «хонд».

Маура накрыла тело простыней, и огромная рана снова исчезла под слоем пластика.

– Где рука?

– Ее уже упаковали.

– Ты уверена, что ее отрезали именно от этого тела?

Джейн потрясенно усмехнулась:

– Разве существует иная вероятность?

– Я никогда не строю предположений. И ты это знаешь. – Она отвернулась.

– Маура!

Доктор Айлз снова посмотрела на Джейн. Они стояли лицом друг к другу на этом ослепительном солнце, и казалось, что сейчас их видит и слышит все Бостонское УП.

– Кстати, о суде. Я прекрасно понимаю, почему ты так поступила, – объявила Джейн. – Ты это знаешь.

– Однако ты меня не одобряешь.

– Но понимаю. И надеюсь, что ты тоже понимаешь: именно таким парням, как Графф, приходится сталкиваться с действительностью. Именно они оказываются на передовой. Правосудие не всегда так

упорядочено, как научные эксперименты. Порой оно весьма неприглядно, а факты только добавляют грязи.

– Значит, я должна была солгать?

– Просто нельзя забывать о настоящих преступниках.

– Это не имеет отношения к моей работе, – возразила Маура.

Она ушла с крыши в лестничный колодец, радуясь, что оставила позади яркий солнечный свет и взгляды сотрудников Бостонского УП. Однако, спустившись на первый этаж, Маура снова оказалась лицом к лицу с детективом Танем.

– Много там крови, правда? – спросил он.

– Больше, чем обычно.

– И когда же вскрытие?

– Я проведу его завтра утром.

– Можно мне присутствовать?

– Добро пожаловать, если сдюжите это зрелище.

– Во время учебы в академии я присутствовал на нескольких вскрытиях. Вроде бы в обморок не падал.

Маура внимательно посмотрела на детектива. Заглянула в серьезные темные глаза, отметила решимость на красивом лице, но враждебности не увидела. В это утро, когда все сотрудники Бостонского УП считали ее за врага, детектив Джонни Тань был единственным, кто, похоже, вовсе не осуждал ее.

– В восемь утра, – проговорила она. – Увидимся на вскрытии.

6

Она плохо спала в ту ночь. После плотного ужина, состоявшего из лазаньи и трех бокалов вина, обессиленная Маура наконец улеглась в постель. А через несколько часов снова проснулась, с болью осознавая, что рядом пусто. Вытянув руку, она дотронулась до холодной простыни и задумалась – как делала это много-много раз за последние четыре месяца, – а вдруг Дэниел Брофи тоже лежит сейчас без сна и чувствует себя одиноким? Вдруг и ему тоже безумно хочется схватить телефонную трубку и прервать молчание, установившееся между ними? Или все-таки Дэниел крепко спит, ни о чем не сожалея, с чувством облегчения оттого, что их роман наконец завершился? Сейчас Маура снова принадлежала самой себе, однако свобода давалась ей непросто. Пустая постель, бессонные ночи и вопрос, на который не было ответа: «Как мне все-таки лучше – с ним или без него?»

На следующее утро, приехав на работу, Маура ощущала слабость от недосыпа и тошноту – из-за того, что, пытаясь взбодриться, выпила слишком много кофе. Стоя в предсекционной и надевая маску, одноразовую хирургическую шапочку и бахилы, Маура взглянула в смотровое окно и увидела, что Джейн уже ждет ее у стола. Вчера они не слишком ласково простились, и Мауре до сих пор было больно вспоминать саркастическую реплику Джейн: «Для тебя ведь только факты имеют значение, верно?» Да, для доктора Айлз были важны факты. Они непреложны, их невозможно отрицать даже в том случае, если они представляют угрозу для дружбы. Судебные разбирательства по делу Граффа, словно пропасть, пролегли между ней и Джейн, и Маура вспомнила о том, какой неперспективной была эта дружба с самого начала. Надевая хирургический халат, она страшилась встречи с Джейн куда больше, чем предстоящей работы с телом.

Сделав глубокий вдох, Маура толкнула дверь и вошла в секционную.

Ее помощник Йошима уже перенес мешок с телом на стол. Рядом с ним в лотке лежала отрезанная рука, накрытая хирургической салфеткой. Прекрасно понимая, что Йошима слышит их разговор, Маура деловито кивнула Джейн и спросила:

– Разве Фрост не будет присутствовать?

– Ему придется пропустить сегодняшнее вскрытие, а вот Джонни Тань сейчас приедет. Кажется, он действительно мечтает увидеть, как ты будешь резать.

– Похоже, детективу Таню очень хочется показать, на что он способен.

– По-моему, он стремится попасть в отдел убийств. Если судить по тому, что я уже видела, у него это может получиться. – Джейн бросила взгляд в сторону двери. – А вот, кстати, и он.

Заглянув в смотровое окно, Маура увидела, что Тань прибыл и надевает хирургический халат. Свои черные как смоль волосы он уже спрятал под шапочкой. Спустя мгновение детектив вошел в зал, приблизился к столу и направил спокойный бесстрастный взгляд на упакованное тело.

– Прежде чем начать, Тань, – проговорила Джейн, – хочу обратить твоё внимание на раковину, куда можно блевать, – она вон там.

Детектив пожал плечами:

– Она мне не понадобится.

– Это ты сейчас так думаешь.

– Начнем с самого простого, – объявила Маура, обнажая лоток с ампутированной рукой.

На вид кисть казалась пластиковой. Неудивительно, что участники экскурсии по Китайскому кварталу приняли ее за бутафорию для Хеллоуина, испачканную красной краской. С нее уже сняли мазки и получили положительный результат по следам пороха. На рукоятке «хеклера и коха» обнаружили отпечатки именно этих пальцев, и теперь не оставалось сомнений в том, что именно убитая

произвела выстрелы, разбросав по крыше пять гильз. Поднеся к руке увеличительное стекло, Маура внимательно осмотрела отрубленное запястье.

– Его рассекли в аккурат между дистальным отделом лучевой кости и полулунной костью, – заключила она. – Однако вот здесь виден изрядный остаток трехгранной кости.

– И что это означает? – осведомилась Джейн.

– Орудие, которым нанесли этот удар, рассекло одну из костей запястья. А они очень плотные.

– Значит, лезвие было острым.

– Настолько острым, что ампутацию произвели одним движением. – Маура подняла взор. – Я не вижу следов от вторичных порезов.

– Главное, подтверди, что эту руку отрубили именно от этого тела.

Маура повернулась к столу и расстегнула мешок. Пластиковый покров разлепился, испустив тошнотворный запах мороженого мяса и застарелой крови. Лежавший в мешке труп был по-прежнему в одежде, голова откинулась назад, так что зияющая рана на шее была прекрасно видна. Йошима принялся фотографировать, а Маура никак не могла отвести глаз от темно-рыжих волос убитой, на которых запеклась кровь. Красивые волосы, думала она, да и женщина красивая. Вооруженная особа, которая стреляла в кого-то на крыше.

– Доктор Айлз, у нас тут на самом виду улики – волосы и волокна, – заметил Йошима.

Он склонился над покойницей, одетой в черную фуфайку, и внимательно посмотрел на светлую прядь, которая пристала к рукаву.

Маура пинцетом подняла волосы и осмотрела их на свету. Слегка изогнутая прядка длиной около пяти сантиметров была серебристо-серой. Доктор Айлз бросила взгляд на убитую.

– Это явно не ее волосы.

– Смотрите-ка, вот еще одна, – сказала Джейн, указывая на другую прядь, прицепившуюся к черным легинсам.

– Возможно, это шерсть какого-то животного, – предположил Йошима. – Например, золотистого ретривера.

– А может быть, ее прикончил седовласый дедок.

Маура поместила пряди в разные конвертики для вещдоков и отложила их в сторону.

– Что ж, давайте разденем ее.

Сначала они сняли с левого запястья убитой черные часы швейцарской фирмы «Ханова» – единственный аксессуар на теле женщины. Затем пришла очередь обуви – черных кроссовок «Рибок», а за ними последовали фуфайка с капюшоном, футболка с длинным рукавом, легинсы, хлопчатобумажные трусики и спортивный лифчик. Под одеждой оказалось натренированное тело – стройное, мускулистое. Как-то раз Маура услышала от одного профессора патологической анатомии: он много лет проводил вскрытия и ни разу не столкнулся с привлекательным мертвецом. Погибшая женщина доказывала, что у этого правила бывают исключения. Несмотря на зияющую рану и обусловленное ею пятнистое поражение кожи на спине и ягодицах, несмотря на остекленевшие глаза, покойница по-прежнему оставалась потрясающе красивой женщиной.

Полностью освободив тело от одежды, Маура и два детектива вышли из помещения, чтобы Йошима мог сделать рентгеновские снимки. Из предсекционной они в смотровое окно наблюдали за тем, как помощник Мауры надевает защитный свинцовый фартук и размещает кассеты с пленкой.

– Такую женщину обязательно станут искать, – проговорила Маура.

– Ты говоришь так, потому что она красива? – осведомилась Джейн.

– Я говорю так, потому что она держала себя в форме, следила за зубами, а еще на ней легинсы от Донны Каран.

– Вы позволите несведущему мужчине задать один вопрос? – вмешался Тань. – Это означает, что легинсы дорогие?

– Готова поспорить, – отозвалась Джейн, – что доктор Айлз может сообщить их точную розничную цену.

– Суть в том, – продолжила Маура, – что она не какая-нибудь нищая бродяжка. У нее с собой было немало наличных, а также пистолет производства «Хеклер и Кох» – насколько я понимаю, вовсе не то оружие, каким обычно пользуются уличные бандиты.

– А еще у нее нет удостоверения личности, – добавил Тань.

– Его могли украсть.

– А три сотни баксов вор просто оставил? – Тань покачал головой. – Это было бы странно.

Глядя в смотровое окно, Маура увидела, что Йошима махнул рукой.

– Он закончил, – сказала доктор Айлз и толкнула дверь в секционную.

Первым делом Маура осмотрела рассеченную шею. Как и разрез, закончившийся ампутацией руки, эту рану нанесли без всяких колебаний, одним ударом.

Сунув в нее линейку, Маура проговорила:

– Глубина почти восемь сантиметров. Трахея перерезана, лезвие прошло до самых шейных позвонков. – Она сместила линейку. – Ширина раны больше глубины – двенадцать сантиметров от края до края. Это не колотая, а резаная рана. – Доктор Айлз умолкла, разглядывая открытый разрез. – Даже странно, насколько он ровный. Ни зазубрин, ни вторичных порезов. Ни кровоподтеков, ни вмятин. Рану нанесли так быстро, что убитая не успела оказать сопротивления. – Маура бережно приподняла голову убитой и наклонила вперед. – Не мог бы кто-нибудь поддержать череп в таком положении? Я хочу соединить края раны.

Детектив Тань без колебаний шагнул вперед и бережно обхватил голову руками в перчатках. Если человеческое туловище можно

рассматривать как лишенные индивидуальности кожу, кости и мышцы, то лицо трупа обнаруживает больше, чем хотелось бы видеть многим полицейским. Однако Джонни Таня это зрелище не пугало. Он смотрел прямо в глаза погибшей, словно надеясь, что в них можно найти ответы на многочисленные вопросы.

– Вот-вот, именно так, – сказала Маура, поднося увеличительное стекло к коже покойницы. – Никаких зазубрин я не вижу. Так и не разберешь, какой именно нож... – Она осеклась.

– Что такое? – насторожилась Джейн.

– Этот рисунок кажется мне странным. Обычно перерезанные глотки так не выглядят.

– Ага, обычно они такие скучные!

– Ну вот подумай, как бы ты стала перерезать глотку, – предложила Маура. – Чтобы нанести такую глубокую рану, до самых позвонков, нужно подойти сзади. Схватить жертву за волосы, оттянуть голову назад и прорезать переднюю часть шеи – от уха до уха.

– Прием командос, – согласился Тань.

– Если подойти сзади, можно завладеть жертвой и полностью обнажить шею. Обычно, если позднее соединить края раны, получается изогнутый разрез. Однако линия этого увечья направлена слегка вверх, справа налево. Его нанесли, когда голова жертвы находилась в нейтральной позиции и не была откинута назад.

– Возможно, убийца стоял прямо перед ней, – предположила Джейн.

– Тогда почему она не сопротивлялась? На теле нет кровоподтеков, которые свидетельствовали бы о борьбе. Стала бы она просто так стоять, если бы кто-то решил отрубить ей голову?

– Я развесил пленки, – сообщил Йошима.

Они повернулись к негатоскопу, где теперь размещались рентгеновские снимки, – подсвеченный экран делал отображенные на них кости сияюще белыми. Сначала Маура сосредоточила

внимание на снимках обрубленного правого запястья и ампутированной кисти, мысленно пытаюсь совместить стороны рассеченной трехгранной кости. Они совпадали.

– Это определенно ее рука, – подтвердила Маура.

– Да я, в общем, и не сомневалась, – отозвалась Джейн.

Теперь доктор Айлз обратилась к снимкам шеи – стала рассматривать зияющую дыру в мягких тканях, результат аккуратно разделенной плоти. Внезапно ее взгляд привлекла яркая серебристая отметина в шейном позвонке.

– А ты не делал латерального снимка шейного отдела? – осведомилась она.

Йошима явно ожидал этого вопроса, поскольку немедленно снял с негатоскопа снимки запястья и кисти и вывесил новую рентгенограмму – на этот раз боковой вид шеи.

– Я заметил эту штуковину чуть раньше. И решил, что вы захотите рассмотреть ее получше.

Маура пристально разглядывала латеральный вид пятого шейного позвонка. Едва заметный объект был различим и на этом снимке.

– Что это? – поинтересовалась Джейн, склонившись к Мауре.

– Что-то металлическое, вонзенное в переднюю поверхность пятого позвонка. – Доктор Айлз повернулась к секционному столу. – Думаю, когда убийца наносил удар, кусочек лезвия откололся, и маленький обломок застрял в шейном позвонке.

– А это означает, что мы сможем отправить металл на анализ, – заметила Джейн. – И определить, кто изготовил нож.

– Не думаю, что это был нож, – возразила Маура.

– Топор?

– Топор оставил бы трещину, к тому же на мягких тканях мы увидели бы следы сдавливания. На убитой нет ни того ни другого. Этот разрез тонкий и прямой. Он сделан очень острым лезвием, длина которого позволяет перерезать шею практически одним движением.

– Типа мачете? – спросила Джейн.

– Или меча.

Джейн посмотрела на Таня:

– Мы разыскиваем Зорро. – Ее смех был прерван звонком мобильного. Она сняла перчатки и потянулась к телефону, который был закреплен у нее на поясе. – Риццоли.

– Доктор Айлз, а вы когда-нибудь видели увечья, нанесенные мечом? – поинтересовался Тань, по-прежнему разглядывая снимок.

– Один раз, в Сан-Франциско. Мужчина до смерти зарубил свою подружку самурайским мечом.

– И анализ металла покажет, что это был, например, самурайский меч?

– Сейчас их производство поставлено на поток, так что, вероятно, анализ не поможет, если, конечно, мы не найдем само оружие. Впрочем, как знать, – возможно, именно эта следовая улика и станет тем кусочком головоломки, который ляжет на свое место и позволит вынести приговор. – Маура посмотрела на лицо Таня, озаренное подсветкой негатоскопа. Даже несмотря на широкую сборчатую одноразовую шапочку, прикрывавшую его волосы, яркость и энергичность молодого детектива снова поразили ее. Так же, как и абсолютная серьезность. – Вы задаете правильные вопросы, – похвалила Маура.

– Просто пытаюсь чему-нибудь научиться.

– Риццоли – толковый коп. Держитесь рядом с ней, и у вас все получится.

– Тань! – позвала Джейн, завершая звонок. – Оставайся здесь до окончания вскрытия. Мне нужно ехать.

– Что случилось?

– Звонил Фрост. Мы обнаружили машину убитой.

Четвертый этаж многоуровневой автостоянки на Тайлер-стрит оказался почти пустым, лишь в самом дальнем углу стояла одинокая синяя «хонда-сивик». Такое слабо освещенное изолированное место выбрал бы человек, не желающий, чтобы кто-то видел, как он идет

к своей машине. Пока Джейн и Фрост осматривали автомобиль, возле них стояли лишь работник парковки да два бостонских полицейских, которые чуть раньше и обнаружили транспортное средство.

– На въездном билете, оставленном на торпеде, проштамповано время: среда, восемь пятнадцать, – сообщил Фрост. – Я посмотрел запись камеры слежения – «хонда» въехала сюда именно в это время. Через пять минут из здания автостоянки вышла женщина. Она накинула капюшон, так что в кадре ее лицо разглядеть невозможно, но, похоже, это она. Машина стоит здесь с тех самых пор.

Слушая Фроста, Джейн обошла вокруг «хонды». Это была модель трехлетней давности без особых вмятин и царапин. Покрышки тоже в хорошем состоянии. Багажник был открыт, а дверца в задней стенке кузова поднята, чтобы Джейн смогла осмотреть салон.

– Номерные знаки были украдены в Спрингфилде пять дней назад, – продолжал Фрост. – Сам автомобиль угнали неделю назад, тоже из Спрингфилда.

Джейн, нахмурившись, посмотрела в багажник – он был пуст, если не считать запаски.

– Ого, да он гораздо опрятнее моего!

– Такое можно сказать о многих машинах, – рассмеялся Фрост.

– И это говорит парень с синдромом навязчивых состояний!

– Похоже, в салоне тоже убирались совсем недавно. В бардачке нашлись документы на машину и карточка страховки, оформленные на имя настоящего владельца. А еще тебе очень понравится то, что лежало на переднем сиденье. – Фрост натянул перчатки и открыл водительскую дверцу. – Портативный навигатор.

– И почему самое интересное всегда находишь ты?

– Полагаю, это совсем новая вещица, потому что погибшая искала всего лишь два адреса. Оба – бостонские.

– Какие?

– Первый – частная квартира в Роксбери-Кроссинг. Владелец – Льюис Ингерсолл.

Джейн изумленно воззрилась на Фроста:

– Неужели это *детектив* Лу Ингерсолл?

– Он самый. Именно по этому адресу он зарегистрирован в Бостонском УП.

– Когда он ушел в отставку из отдела убийств, а? Шестнадцать или семнадцать лет назад?

– Шестнадцать. Мне пока не удалось его поймать. Я звонил его дочери, она сказала, что Лу на неделю отправился на север порыбачить. Вероятно, в тех местах нет мобильной связи. Но может быть, он отключил телефон, чтобы его не беспокоили.

– А второй адрес, который ты обнаружил в навигаторе?

– Это какая-то контора здесь, в Чайна-тауне. Некая Академия боевых искусств «Дракон и звезды». Их автоответчик сообщил, что они открываются в полдень. – Фрост взглянул на часы. – То есть работают уже десять минут.

7

Академия боевых искусств «Дракон и звезды» располагалась на втором этаже ветхого кирпичного здания на Гаррисон-авеню. Поднимаясь по узкой лестнице, Джейн и Фрост слышали монотонные фразы, кряхтение, стук ног и улавливали запах пота, доносившийся из раздевалки. В студии напарники увидели с десятков учеников в черных, напоминающих пижамы костюмах. Они настолько сосредоточились на движениях, что, казалось, никто не заметил двух детективов. Если не считать выцветшего плаката, посвященного боевым искусствам, помещение с голыми стенами и истертым полом выглядело совершенно безликим. Некоторое время Джейн и Фрост, никем не замеченные, стояли у двери, наблюдая за прыгающими и вскидывающими ноги учениками.

Вдруг молодая азиатка вышла из строя и приказала: «Завершаем упражнение!» А затем прошла в другой конец зала, чтобы поприветствовать гостей. Она была стройной, как танцовщица, ее кожа блестела от пота, но, несмотря на это, она вовсе не выглядела запыхавшейся.

– Чем могу помочь? – осведомилась девушка.

– Мы из Бостонского УП. Я детектив Риццоли, а это детектив Фрост. Мы хотели бы поговорить с владельцем этой студии.

– Можно взглянуть на ваши удостоверения?

Просьба прозвучала грубо – Джейн совсем не ожидала услышать такое от девушки, которая на вид только-только окончила школу. Пока азиатка изучала удостоверение Джейн, Риццоли изучала девушку. Возможно, она не так юна, как кажется, решила Джейн. Вероятно, двадцать с небольшим, американка китайского происхождения, если судить по ее речи, на предплечье – татуировка, изображающая тигра. Короткие колючие волосы и угрюмый взгляд делали ее похожей на готку в азиатском варианте, миниатюрную, но опасную.

Девушка вернула удостоверения Джейн.

– Я вижу, вы из отдела убийств. Что привело вас сюда?

– Можно мне для начала узнать, как вас зовут? – спросила Джейн, доставая свой блокнот.

– Белла Ли. Я преподаю в начинающей и промежуточной группах.

– У вас потрясающие ученики, – восхитился Фрост, по-прежнему наблюдая за тем, как подпрыгивают и вертятся ученики.

– Это промежуточная группа. Они готовятся к выступлению на презентации боевых искусств, которая состоится в будущем месяце в Нью-Йорке. Отрабатывают движения леопарда.

– Леопарда?

– Это один из древних стилей, имитирующих животных, он зародился в Северном Китае. Леопард полагается на скорость и агрессию, что как раз можно видеть в этом упражнении. Каждая боевая техника отражает повадки того или иного животного. Змея коварна и вкрадчива. Журавлю нет равных в удержании равновесия и уклонении от ударов. Обезьяна быстра и ловка. Ученики выбирают животное, которое лучше всего отвечает их характеру, и осваивают этот стиль.

Фрост рассмеялся:

– Это прямо как в фильмах о кунг-фу.

В ответ девушка смерила его ледяным взглядом:

– Правильное название этого искусства – ушу, оно было создано несколько тысяч лет назад. А то, что показывают в фильмах, – обман, голливудская чушь. – Преподавательница умолкла; ученики закончили упражнение и теперь стояли, глядя в ее сторону и ожидая указаний. – Возьмите мечи. Тренировочный бой, – объявила девушка.

Ученики направились к стойке для оружия за деревянными учебными мечами.

– Можно нам поговорить с владельцем студии? – спросила Джейн.

– Сыфу Фан в дальней комнате, проводит индивидуальное занятие.

– Как, вы сказали, имя владельца? Си...

– Сыфу – вовсе не имя, – возразила Белла. – Это китайское слово, означающее «мастер» или «учитель». Уважительное обращение.

– Так можно нам поговорить с *мастером*? – резко спросила Джейн, раздражаясь из-за поведения девушки. – Мы пришли не ради светского визита, мисс Ли. Это служебное дело.

Белла обдумала ее просьбу. Ученики начали тренировочный бой. Помещение огласилось щелчками деревянных мечей.

– Одну минуту, – наконец проговорила девушка. Она постучала в дверь, почтительно выждала минуту, прежде чем открыть ее, и объявила: – Сыфу, к вам пришли двое полицейских.

– Пусть зайдут, – раздался голос. Женский.

В отличие от гибкой юной Беллы Ли китаянка, поднявшаяся из своего кресла, чтобы поприветствовать гостей, двигалась медленно, словно боролась с болью в суставах, хотя, судя по виду, ей было всего пятьдесят с небольшим. Средний возраст оставил едва заметные следы на ее лице, а в длинных черных волосах виднелось лишь несколько седых прядей. Женщина встретила их с уверенностью императрицы. Она была одного роста с Джейн, однако из-за королевской осанки китаянка казалась несколько выше. Рядом с ней стоял маленький светловолосый мальчик лет шести в форме бойца; в руках он сжимал деревянный шест высотой почти с него.

– Я Айрис Фан, – представилась женщина. – Чем могу служить?

По официальному тону и акценту Джейн сразу поняла, что владелица студии родилась за границей.

– Детектив Риццоли и детектив Фрост, – отрекомендовалась Джейн. И посмотрела на мальчика, который ответил ей смелым задиристым взглядом. – Можно попросить вашего ученика выйти? Нам нужно поговорить с вами наедине, мэм.

Айрис кивнула:

– Белла, отведи Адама в другую комнату, пусть он дожидается маму.

– Но, сыфу, – запротестовал ребенок, – я хочу показать вам, какие упражнения я делал с шестом обезьяны!

Айрис улыбнулась мальчику.

– Ты покажешь их мне на следующей неделе, Адам, – ответила она, нежно проведя пальцами по его волосам. – Обезьяне, кроме всего прочего, нужно научиться терпению. А теперь ступай. – Улыбка не сходила с ее лица, пока Белла вела ребенка к двери.

– Этот парнишка тоже учится боевым искусствам? – поразился Фрост.

– Он обладает и талантом, и пылом. Я никогда не стала бы тратить силы на первого встречного. – Улыбка исчезла, и Айрис Фан устремила на гостей холодный оценивающий взгляд. Ее взор остановился на Джейн, словно она поняла, у кого из посетителей больше авторитета. – Зачем полиции понадобилось прийти в мою студию?

– Мы из отдела убийств Бостонского УП, – пояснила Джейн. – Нам необходимо задать вам несколько вопросов о том, что произошло в Китайском квартале накануне вечером.

– Я полагаю, речь идет о погибшей на крыше женщине?

– Значит, вам уже известно об этом.

– Все только о ней и говорят. Наш квартал не так уж велик, и здесь, как в любой китайской деревне, есть и свои сплетники, и свои кляузники. Говорят, той женщине перерезали глотку, а руку сбросили с крыши. А еще – что у нее был пистолет.

«Люди, которые судачат об этом, знают чертовски много», – подумала Джейн.

– Эти разговоры – правда? – поинтересовалась Айрис.

– Мы пока не вправе обсуждать детали, – отозвалась Джейн.

– Но вы пришли именно поэтому, верно? Чтобы поговорить об этом деле? – спокойно спросила Айрис.

Некоторое время женщины внимательно разглядывали друг друга, и внезапно Джейн поняла: «Не я одна ищу информацию».

– У нас есть фотография, которую мы хотели бы показать вам, – сообщила она.

– Существует ли причина, по которой вы решили спросить именно меня? – осведомилась владелица студии.

– Мы расспрашиваем многих жителей этого квартала.

– Но я впервые слышу о фотографии. Хотя, я думаю, я *непрерывно* о ней слышала бы.

– Сначала нам нужно показать вам фотографию. А потом мы поясним почему. – Джейн посмотрела на Фроста.

– Мне жаль, что вам придется смотреть на это, мэм, – проговорил он. – Вероятно, фотография вас огорчит. Может быть, вам лучше сначала сесть?

Его спокойный уважительный тон, похоже, расплавил лед во взгляде женщины, и она кивнула.

– Сегодня я чувствую усталость. Возможно, мне действительно стоит сесть, благодарю вас.

Фрост быстро пододвинул кресло, и Айрис опустилась в него, облегченно вздохнув, из чего стало понятно, что ее порадовало предложение сесть. Только после этого Фрост вынул цифровое фото, присланное Маурой по электронной почте из морга. Хотя рану погибшей благоразумно накрыли салфеткой, бледность, отвисшая челюсть и полуприкрытые глаза не оставляли сомнений в том, что на фотографии покойница.

Айрис почти минуту пристально смотрела на снимок, при этом выражение ее лица не менялось.

– Мэм? – окликнул Фрост. – Вы узнаете ее?

– Она красавица, правда? – проговорила Айрис, поднимая взгляд. – Однако мне она не знакома.

– Вы уверены, что никогда не видели ее?

– Я прожила в Чайна-тауне тридцать пять лет, с тех пор как мы с мужем эмигрировали с Тайваня. Если бы эта женщина жила поблизости, я бы ее узнала. – Владелица студии взглянула на Джейн. – Вы пришли, чтобы задать мне только этот вопрос?

Джейн ответила не сразу, потому что заметила пожарную лестницу, висевшую прямо возле окна. Из этой комнаты, решила она, легко попасть на крышу. А это значит, что в итоге можно очутиться на любой здешней крыше, в том числе и на здании, где погибла женщина.

– Много ли сотрудников в вашей студии? – спросила Джейн, повернувшись к Айрис.

– Основной инструктор – я.

– А как насчет молодой женщины, которая только что привела нас сюда? – Джейн взглянула на имя, записанное в блокноте. – Беллы Ли.

– Белла работает у меня почти год. Она преподает в нескольких группах и сама берет плату со своих учеников.

– Вы упоминали своего мужа. Господин Фан тоже работает здесь? Несколько раз моргнув, женщина отвела взгляд.

– Мой муж умер, – тихо произнесла она. – Джеймса нет вот уже девятнадцать лет.

– Мне жаль это слышать, госпожа Фан, – спокойно сказал Фрост. Было ясно, что он говорит правду.

Несколько секунд все молчали, только громкий стук деревянных тренировочных мечей доносился из соседнего помещения, где практиковалась группа.

– Я единственная владелица этой школы, – наконец произнесла Айрис. – Так что, если у вас есть вопросы, вам нужно спрашивать у меня. – Она выпрямилась. К ней снова вернулось самообладание, а ее взгляд опять остановился на Джейн, словно Айрис понимала, кто, скорее всего, бросит ей вызов. – Почему вы решили, что я могу знать погибшую?

Ответа на этот вопрос уже нельзя было избежать.

– Сегодня утром мы нашли машину убитой в одном из парковочных гаражей Чайна-тауна, – объяснила Джейн. – В ней оказался навигатор, и один из адресов в его памяти – ваш.

Айрис нахмурилась:

– Здешний? Адрес студии?

– Убитая собиралась прийти сюда. Вы знаете зачем?

– Нет. – Ответ был мгновенным.

– Можно узнать, где вы были в среду вечером, госпожа Фан?

Айрис ответила не сразу – пристально глядя на Джейн, она сузила глаза.

– Я вела вечернее занятие. А потом пошла домой.

– В котором часу вы ушли отсюда?

– Было около десяти. Домой я пришла в десять пятнадцать. Идти отсюда недалеко – до квартала Тайтун-Виллидж. Я живу на Хадсон-стрит, на самой окраине Чайна-тауна.

– Кто-нибудь сопровождал вас?

– Я была одна.

– А живете вы тоже одна?

– У меня нет семьи, детектив. Мой муж скончался, а моя дочь... – Айрис осеклась. – Да, я живу одна, – подтвердила она, вздернув подбородок, словно хотела защититься от жалости, которую мог породить ее ответ. Но вдруг глаза женщины заблестели – в них появились слезы. Несколько раз моргнув, она быстро усмирила их. Пусть китайка хотела казаться несокрушимой, утрата все равно причиняла ей боль.

В соседнем помещении закончилось занятие, и до них донесся топот спускавшихся по лестнице учеников.

– Скоро придет мой следующий ученик, – проговорила Айрис, посмотрев на часы, которые висели на стене. – Мы ведь закончили?

– Не совсем, – возразила Джейн. – У меня есть еще один вопрос. В навигаторе убитой нашелся и другой адрес. Частная квартира здесь, в Бостоне. Вы знакомы с отставным детективом Бостонского УП Льюисом Ингерсоллом?

Внезапно все краски отхлынули от щек Айрис. Женщина замерла, ее лицо стало каменным.

– Госпожа Фан, с вами все в порядке? – поинтересовался Фрост. Он прикоснулся к плечу женщины, и Айрис вздрогнула, точно ее

обожгло.

– Значит, это имя вам известно, – спокойно констатировала Джейн.

Айрис нервно сглотнула.

– Я познакомилась с детективом Ингерсоллом девятнадцать лет назад. Когда умер мой муж. Когда его... – Женщина осеклась.

Джейн и Фрост переглянулись. «Ингерсолл работал по делам об убийствах», – поняли они.

– Госпожа Фан, – обратился к женщине Фрост. На этот раз, когда он дотронулся до нее, Айрис не вздрогнула, позволив руке детектива остаться на ее плече. – Что случилось с вашим мужем?

Айрис опустила голову и произнесла едва слышным шепотом:

– Его застрелили. В ресторане «Красный феникс».

8

Из окна моей студии видно, как двое детективов, выйдя из здания, останавливаются на улице. Они смотрят вверх, и, хотя все мои инстинкты велят отойти, я упрямо остаюсь в поле зрения и знаю, что они наблюдают за тем, как я провожаю их взглядом. Я не желаю прятаться ни от друзей, ни от врагов, а потому смотрю на них сквозь стекло, сосредоточив внимание на женщине. «Детектив Джейн Риццоли» – значится на карточке, которую она мне оставила. С первого взгляда она вовсе не кажется бойцом – всего-навсего обычная прилежная дамочка в сером брючном костюме, практичных туфлях и с копной спутанных темных кудряшек. Но глаза выдают куда больше. Они ищут, наблюдают и оценивают. У этой женщины глаза охотника, и она пытается решить, не я ли ее добыча.

Без всякой боязни я стою на виду, и они, как, впрочем, и весь мир, могут смотреть на меня. Детективы могут изучать меня сколько угодно, но не увидят ничего, кроме тихой скромной женщины. В моих волосах заметны серебристые следы прошедших лет. До старости еще, конечно, далеко, но сегодня я чувствую ее неминуемое приближение. Я знаю, у меня осталось мало времени, для того чтобы завершить начатое. А с визитом этих двух детективов мои приключения приняли тревожный оборот, которого я совсем не ожидала.

Наконец-то полицейские двинулись прочь с нашей улицы. Возвращаются к охоте, уводящей их невесть куда.

– Какие-нибудь трудности, сыфу?

– Не знаю. – Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Беллу, и в очередной раз восхищаюсь тем, насколько безупречна и молода ее кожа даже в резком дневном свете, падающем из окна.

Единственный недостаток – шрам на подбородке, следствие мимолетной невнимательности во время тренировочного боя. Эту ошибку она не повторяла больше никогда. Белла стоит прямо

и выглядит бесстрашной и уверенной в себе. Вероятно, даже слишком уверенной – на поле боя заносчивость может оказаться губительной.

– Зачем они приходили сюда? – спрашивает Белла.

– Они детективы. Задавать вопросы – их работа.

– Вы узнали что-нибудь еще о той женщине? Кто она, кто ее послал?

– Нет. – Я снова смотрю в окно, на прохожих, идущих по Гаррисон-авеню. – Однако, кем бы ни была эта женщина, она знала, как меня найти.

– Последней она не будет, – мрачно предрекла Белла.

Предупреждать меня нет необходимости – мы обе знаем, что спичка зажжена и фитиль подпален.

Оказавшись у себя в кабинете, я опускаюсь в кресло и смотрю на рамку с фотографией, которая стоит у меня на рабочем столе. Глядеть на эту карточку необязательно – она навеки запечатлелась в моей памяти. Я беру ее в руки и улыбаюсь, рассматривая лица. Я прекрасно помню день, когда был сделан этот снимок. Матери о многом забывают, но день, когда родилось их дитя, они запоминают навсегда. На этой фотографии Лоре четырнадцать лет. Мы с ней вдвоем стоим у Бостонского симфонического зала – мы ходили туда послушать выступление Джошуа Белла. За месяц до концерта Лора только и говорила что о нем: Джошуа Белл то, Джошуа Белл се. «Мамочка, он ведь красавчик, правда? Ведь его скрипка поет почти как живая, верно?» На фотографии Лора все еще под впечатлением от выступления своего кумира. Мой муж Джеймс тоже был с нами в тот вечер, однако на фотографии его нет. Он не запечатлен ни на одном из наших снимков, потому что фотоаппарат всегда держал он. И почему мне ни разу не пришло в голову взять фотокамеру у него из рук и щелкнуть его милое, немного свиное лицо? Я никогда не думала, что этой драгоценной возможности просто-напросто не станет. Что его улыбка будет жить лишь в моей памяти, а его образ навечно замрет на тридцати семи годах. Мой

муж останется молодым навсегда. Слеза тихо падает на рамку, и я возвращаю фотографию на стол.

Их больше нет. Сначала у меня отняли дочь, затем мужа. Как можно продолжать жить, если твое сердце вырезали не один раз, а целых два? Но я смогла – я все еще жива и все еще дышу.

Пока еще дышу.

9

– Я прекрасно помню массовое убийство в «Красном фениксе». Классический амок. – Судебный психолог доктор Лоренс Цукер откинулся на спинку кресла, через стол окидывая Риццоли и Фроста своим пронизательным взглядом, от которого Джейн всегда становилось не по себе.

Фрост сидел рядом с напарницей, однако Цукер, казалось, смотрел только на Джейн – взгляд психолога будто бы заползал ей в мозг, пытаясь отыскать тайны, словно она-то и была единственным объектом его интереса. Цукер и без того знал многие ее тайны. Он был свидетелем того, как тяжело начиналась карьера Джейн в отделе убийств – тогда ей, единственной женщине в числе двенадцати детективов, приходилось с трудом завоевывать доверие коллег. Судебный психолог был в курсе ночных кошмаров, которые терзали Джейн после серии особо тяжких преступлений, совершенных убийцей по прозвищу Хирург. Знал он и о шрамах, на всю жизнь оставшихся на ее ладонях, – в них вонзал свои скальпели тот же самый преступник. Цукеру было достаточно всего одного взгляда, чтобы, пробившись сквозь все защитные барьеры, увидеть за ними свежие раны, и Джейн бесилась от того, насколько уязвимой она чувствовала себя в его присутствии.

Чтобы отвлечься, Риццоли сосредоточилась на открытой папке, лежавшей на столе Цукера. В ней хранился отчет о событиях в «Красном фениксе», составленный девятнадцать лет назад и включавший психологический портрет У Вэйминя, китайского повара, который открыл стрельбу. Джейн знала, насколько усердно и тщательно Цукер подходил к своей работе, – его подробные анализы порой занимали десятки страниц, а эта папка выглядела на удивление тоненькой.

– Это ваш полный отчет? – поразила Риццоли.

– Это все, что я написал по теме того расследования. Кроме посмертного анализа личности господина У, здесь имеются отчеты по четырем его жертвам. В бумагах Бостонского УП должны быть копии всех этих документов. Дело вел детектив Ингерсолл. Вы говорили с ним?

– На этой неделе его нет в городе, а дозвониться до него нам не удалось, – объяснил Фрост. – Его дочь сказала, что он поехал на север, в какой-то рыбацкий лагерь, где нет мобильной связи.

Цукер вздохнул:

– Наверное, на пенсии хорошо. Кажется, он ушел в отставку много лет назад. Чем он занимается сейчас, когда ему за семьдесят?

– Если это возраст полицейского, можно сказать, что ему все сто десять, – усмехнулся Фрост.

Джейн снова направила разговор в деловое русло:

– Другим детективом по этому делу был Чарли Стейнс, но он уже скончался. А потому мы надеялись, что вы сможете поделиться своим взглядом на эту историю.

Цукер кивнул:

– Основное понятие о случившемся можно получить уже по отчету с места происшествия. Нам известно, что повар, китайский иммигрант У Вэйминь, вышел в зал ресторана и застрелил четырех человек. Первым умер некий Джоуи Гилмор, он зашел забрать заказ навынос. Второй жертвой стал официант Джеймс Фан – говорят, он был ближайшим другом повара. Третья и четвертая жертвы – семейная пара Мэллори, сидевшая за столиком. В конце концов повар вернулся в кухню, приложил пистолет к собственному виску и покончил жизнь самоубийством. Случай амока с последующим суицидом.

– В ваших устах «амок» звучит как клинический термин, – заметил Фрост.

– А это и есть термин. Малайское слово, которым в восемнадцатом веке капитан Кук, посетивший в своем первом кругосветном плавании Индонезию, описал некое явление. А

именно – внезапный, не спровоцированный очевидными причинами смертоносный приступ, когда индивид – почти всегда мужского пола – в бешенстве начинает убивать. Он умерщвляет всех подряд, пока его самого не лишают жизни. Капитан Кук полагал, что подобное поведение свойственно лишь населению Юго-Восточной Азии, однако теперь стало ясно, что такое происходит во всех уголках земли, вне зависимости от культуры. Этот феномен получил неуклюжее сокращенное название ССЭП.

– И что означает эта аббревиатура?

– Сумеречное состояние эпилептического или психогенного происхождения. Можно и по-другому – неконтролируемое стремление к насилию и жестокости в состоянии измененного сознания.

Джейн посмотрела на Фроста:

– Иначе это называется «разъяриться как медведь».

Цукер смерил Джейн неодобрительным взглядом:

– Вы несправедливы к этому животному. ССЭП случается обычно с людьми, причем самых разных профессий. С рабочими и офисными служащими. С молодыми и старыми. Женатыми и холостыми. Но почти всегда – с мужчинами.

– И что же общего у всех этих убийц? – поинтересовался Фрост.

– Вероятно, вы и сами догадаетесь. Они часто изолированы от местного сообщества. У них есть сложности в личных отношениях. Приступу предшествует некий переломный момент – потеря работы, развалившийся брак. И наконец, у подобных индивидов также имеется доступ к оружию.

Джейн пролистала свой экземпляр отчета Бостонского УП.

– Это был «Глок семнадцать» с наружной нарезкой на стволе. Судя по сообщению, он был украден за год до того в Джорджии. – Джейн подняла взор. – С чего вдруг иммигранту с зарплатой повара покупать «глок»?

– Может, для того, чтобы защищаться? Вдруг он чувствовал угрозу?

– Вы ведь психолог, доктор Цукер. Разве у вас нет ответа на этот вопрос?

Цукер сжал губы.

– Нет. Я же не ясновидящий. И у меня не было возможности поговорить с самым близким ему человеком – с его женой. К тому времени, когда Бостонское УП обратилось ко мне за консультацией, она уже уехала из города, и мы понятия не имели, как ее найти. Психологический портрет господина У, составленный мною, основан на моих беседах с другими знавшими его людьми. А их было не так уж и много.

– Одна из них – Айрис Фан, – заметила Джейн.

Цукер кивнул:

– Ах да. Жена официанта. Я прекрасно помню ее.

– На то есть какая-то особая причина?

– Во-первых, она была красавица. Совершенно потрясающая.

– Мы только что встречались с ней, – сообщил Фрост. – Она по-прежнему потрясающая.

– Неужели? – Цукер перелистнул несколько страниц в своей папке. – Посмотрим. Ей было тридцать шесть, когда я с ней беседовал. Значит, теперь ей... пятьдесят пять. – Психолог посмотрел на Фроста. – Вероятно, азиатские гены.

Джейн вдруг почувствовала себя забытой и уродливой сводной сестрой.

– Если оставить в стороне тот факт, что вы оба считаете ее прекрасной, чем-нибудь еще госпожа Фан вам запомнилась?

– Как ни странно, многим. Я разговаривал с ней несколько раз, поскольку она была для меня основным источником информации об У Вэймине. Тогда я первый год сотрудничал с Бостонским УП, а этот случай был настолько ужасающим, что его сложно было не запомнить. Представьте, вы отправляетесь на поздний ужин в Китайский квартал, а повар, вместо того чтобы приготовить вам курицу гунбао^[4], убивает вас. Вот почему эта история привлекла столько внимания. Она заставила людей почувствовать себя

уязвимыми, потому что жертвой мог стать кто угодно. К тому же началась обычная истерия по поводу ужасных нелегальных иммигрантов. Как господин У проник в страну? Откуда у него оружие? И так далее. Я лишь за несколько лет до этого закончил университет, и на тебе – стал консультантом по одному из самых забойных дел года. – Цукер осекся. – Я неверно подобрал слово.

– И какой же вывод вы сделали насчет стрелка? – поинтересовался Фрост.

– Достаточно унылая личность, ей-богу. Он прибыл из провинции Фуцзянь и оказался в Штатах примерно в двадцатилетнем возрасте. Точную дату установить невозможно, так как документов не существует. Всю информацию я получил от госпожи Фан – она сказала, что господин У был близким другом ее мужа.

– Который погиб во время этой стрельбы, – заметил Фрост.

– Да. Несмотря на это, госпожа Фан не сказала ничего плохого об У Вэймине. Она не верила, что стрелял он. Госпожа Фан назвала повара кротким и работающим. Сказала, что он дорожил своей жизнью. У Вэйминь содержал жену и дочь, а также посылал деньги для семилетнего сына, рожденного в предыдущем браке.

– Так, значит, у него была бывшая жена?

– В другом городе. Однако У и его жена Лихуа прожили в Бостоне довольно долго. Они занимали квартиру прямо над рестораном, где работал У Вэйминь, и держались достаточно обособленно. Вероятно, боялись привлечь внимание, потому что были нелегальными иммигрантами. К тому же их жизнь осложнял язык – они говорили на мандаринском и на достаточно редком миньском диалектах.

– А бóльшая часть Чайна-тауна пользуется кантонским, – понял Фрост.

Цукер кивнул:

– Носители этих диалектов не понимают друг друга, видимо, это и привело к изоляции семьи У Вэйминя. И так, у этого человека было достаточно причин для стресса. Он скрывал свой нелегальный статус. Был изолирован от общества. И ему нужно было содержать

семью. Добавьте к этому долгий рабочий день – никто не станет спорить, что этот человек находился в очень тяжелом положении.

– Но из-за чего же он все-таки сломался? – спросила Джейн.

– Госпожа Фан не знала ответа на этот вопрос. На той неделе, когда произошло массовое убийство, ее не было в стране – она навещала родственников. Я говорил с госпожой Фан, когда она вернулась домой и все еще находилась в шоковом состоянии. Однако госпожа Фан все время настаивала на одном и том же – У Вэйминь никогда в жизни не смог бы никого убить. И уж наверняка он не смог бы погубить ее мужа Джеймса, потому что они были друзьями. Госпожа Фан также заявила, что у повара сроду не было оружия.

– Откуда она могла это знать? Она ведь не была его женой.

– Что ж, вдову У Вэйминя я расспросить не сумел. Через несколько дней после преступления они с дочерью собрали вещи и исчезли. Тогда еще не было Министерства национальной безопасности и никто не отслеживал иностранцев, так что для нелегальных мигрантов было не так уж и трудно то появляться, то прятаться, а то и вовсе исчезать. Вдова У Вэйминя поступила именно так. Она исчезла. И даже Айрис Фан понятия не имела, куда пропали эта женщина и ее дочь.

– Вы руководствуетесь одними лишь словами госпожи Фан. Почему вы решили, что она сказала вам правду? – удивилась Джейн.

– Возможно, я наивен, но я ни разу не усомнился в искренности госпожи Фан. Ни разу. В ней есть нечто такое... – Цукер покачал головой. – Она – трагическая фигура. Мне до сих пор жаль ее. Даже и не знаю, как можно перенести столько потерь, сколько выпало на ее долю.

– Потерь?

– У нее была еще дочь.

Джейн внезапно припомнила, как Айрис говорила о том, что живет одна. О том, что у нее больше нет семьи.

– Ее дочь умерла?

– По-моему, я не включил это в свой отчет, поскольку история о девочке не имеет отношения к происшествию в «Красном фениксе». У Айрис и Джеймса была четырнадцатилетняя дочь, пропавшая за два года до того события. Полиции так и не удалось найти ее следов.

– Бог мой, – ужаснулся Фрост. – А мы и не знали. Она нам ничего не сказала.

– Айрис Фан не из тех женщин, которые любят, когда их жалеют. Но я помню, как смотрел в ее глаза и видел боль. Такую боль мне даже вообразить трудно. И при этом в ней столько невероятной силы. – Цукер умолк на мгновение, словно воспоминание об этом горе до сих пор трогало его.

Джейн тоже не могла вообразить себе такую боль. Она подумала о своей дочери Реджине, которой исполнилось всего два с половиной года. Представила, каково это – пытаться год за годом продолжать существовать, не зная, жив твой ребенок или умер. Одна лишь эта пытка способна свести с ума любую женщину. «А потом она потеряла еще и мужа...» – пронеслось в голове Джейн.

– Беда никогда не приходит одна, – заметил Цукер, – за ней всегда следуют и другие несчастья. Но то, что случилось в «Красном фениксе», принесло горе не только ближайшим родственникам погибших. Словно это массовое убийство несло на себе проклятие. И поражало все новые и новые жертвы.

В помещении вдруг стало холоднее. Настолько, что по рукам Джейн побежали мурашки.

– Что значит «проклятие»?

– В течение месяца после этого происшествия случилось множество несчастий. Детектива Стейнса свалил инфаркт. Криминалист, работавший на месте преступления, погиб в автокатастрофе. У жены детектива Ингерсолла случился инсульт, и через некоторое время она умерла. И наконец пропала девушка.

– Какая девушка?

– Шарлотта Дион. Шестнадцатилетняя дочь Дины Мэллори, одной из убитых в ресторане. Через несколько недель после гибели Дины в «Красном фениксе» Шарлотта пропала во время школьной экскурсии. Ее так и не смогли найти.

Внезапно Джейн услышала собственное сердцебиение – оно было оглушительным, словно кто-то стучал в барабан прямо под ухом.

– Вы сказали, что дочь Айрис Фан тоже исчезла.

Цукер кивнул:

– Между этими двумя исчезновениями прошло два года, однако совпадение жуткое, верно? У двоих людей, погибших в «Красном фениксе», пропали дочери.

– Но совпадение ли это?

– А что же еще? Эти две семьи не были знакомы. Фаны были бедными иммигрантами. А родители Шарлотты – бостонскими аристократами. Других связей между этими людьми не было. Так что исчезновение девушки вполне можно отнести на счет проклятия «Красного феникса». – Психолог бросил взгляд на папку с документами. – А может, все дело в том здании. Жители Чайна-тауна считают, что в нем обитают привидения. Говорят, стоит войти внутрь, и зло само прилипает к тебе. – Цукер посмотрел на Джейн. – А ты уносишь его домой.

10

Джейн не любила совпадений. В сложных переплетениях ткани под названием жизнь они, конечно же, случались, но ее все время тянуло разобраться: почему ниточки соединились, так ли уж случайно это произошло, или просто воплотился некий высший замысел и возник узор, который можно постичь, изучив все нити до самого их начала? Джейн сидела за своим рабочим столом и занималась как раз этим: она пыталась отследить пять нитей, трагически соединившихся девятнадцать лет назад в одном из ресторанов Китайского квартала.

Папка с делом «Красного феникса» была не особенно пухлой. Для детективов из отдела убийств преступник, совершивший самоубийство, – настоящая удача; такие дела – как подарок в упаковке с бантиком. Злодей уже свершил правосудие, выпустив пулю в самого себя. Полицейский отчет Стейнса и Ингерсолла об этом массовом убийстве отвечал не на вопрос «кто?», а на вопрос «почему?» и был почти полностью основан на том, что доктор Цукер уже рассказал Джейн и Фросту об У Вэймине.

А потому Джейн переключила внимание на четверых погибших.

Жертвой номер один был Джоуи Гилмор двадцати пяти лет, родившийся и выросший в Южном Бостоне. В отчете содержалось достаточно много информации о Гилморе, потому что у него уже были судимости. Кража со взломом, незаконное проникновение на чужую территорию, нападение с нанесением побоев. Эта запись, а также его место работы – фирма «Оптовая мясная торговля Донохью» – тут же привлекли внимание Джейн. Бостонское УП было слишком хорошо знакомо с владельцем компании Кевином Донохью вследствие его тесных и длительных связей с местной организованной преступностью. За четыре десятилетия обычный уличный головорез Донохью сумел сделать «карьеру» и стать одним из трех самых влиятельных людей в местной ирландской мафии.

Правоохранительные органы прекрасно знали, кто такой Донохью и чем он занимается, но доказать это в суде не могли. Пока не могли.

Джейн извлекла папку с фотографиями, сделанными на месте происшествия, и отыскала снимок тела Джоуи Гилмора – оно лежало на полу среди разбросанных коробок для еды навынос. Его свалили с ног единственным выстрелом в затылок. Конечно, доктор Цукер сколько угодно может называть этот случай амоком, но Джейн видела в нем чертовски ясные признаки бандитской разборки.

Жертвой номер два был тридцатисемилетний Джеймс Фан, служивший в ресторане «Красный феникс» администратором, официантом и кассиром. Он и его жена Айрис Фан эмигрировали с Тайваня за шестнадцать лет до происшествия: Джеймс попал в Штаты, поступив в аспирантуру на одну из кафедр азиатской литературы. Сообщалось, что с У Вэйминем они были хорошими друзьями – в «Красном фениксе» Джеймс и У проработали вместе пять лет. Никому не было известно о каких-либо конфликтах между ними. Джейн не смогла найти в отчете ни одного упоминания о дочери Фанов Лоре, пропавшей за два года до этого убийства. Вероятно, Стейнсу и Ингерсоллу не было известно о трагедии, постигшей семейство Фан несколько ранее.

Жертвы под номерами три и четыре были супругами – Артур и Дина Мэллори из Бруклайна, штат Массачусетс. Сорокавосьмилетний Артур был президентом и генеральным директором инвестиционной компании «Уэллесли групп». О занятиях сорокалетней Диной ничего не сообщалось – видимо, имея супруга с такой должностью, работать ей было необязательно. Для Артура и Дины этот брак был вторым по счету, неким смешением двух бывших семей. Первой женой Артура была Барбара Харт, и у них имелся сын, двадцатилетний Марк. У Дины и ее бывшего мужа Патрика Диона была семнадцатилетняя дочь. В полицейском отчете достаточно внимания уделялось теме, которую стал бы исследовать любой хороший детектив из отдела убийств, – теме конфликтов, возникших на почве разводов и новых браков убитых.

Если верить словам сына Артура Мэллори, Марка Мэллори, отношения между семьями Мэллори и Дион были чрезвычайно сердечными, даже несмотря на то, что Дина и Артур ушли от своих супругов за пять лет до этого. После развода и заключения нового брака Дина Мэллори и ее бывший муж Патрик поддерживали дружеские отношения, и обе семьи часто ужинали по праздникам.

До странности цивилизованное общение, подумала Джейн. Жена уходит от Патрика к другому мужчине, а потом они все вместе празднуют Рождество. Эти сведения казались слишком уж невероятными, но они поступили от сына Артура Мэллори, который наверняка знал, что к чему. Какая-то безупречно реконструированная семья – все рады, никто не ссорится. Джейн предполагала, что это возможно, но в своей собственной семье она даже представить не могла ничего подобного. Джейн попыталась вообразить воссоединение клана Риццоли с участием папы, мамы, папиной секс-бомбы и нового маминого возлюбленного Винса Корсака. Вот уж где точно случилось бы массовое убийство, и кто выжил бы в этой истории – предсказать сложно.

Однако семейства Мэллори и Дион как-то умудрялись с этим справляться. Вероятно, это делалось для Шарлотты, которой в момент развода родителей было всего лишь двенадцать лет. Как большинство детей разведенных родителей, она, вероятно, то и дело перемещалась из одного дома в другой – пусть и обеспеченный, но несчастный ребенок, постоянно шатающийся от мамы Дины к папе Патрику.

Перевернув последнюю страницу дела, Джейн обнаружила краткое дополнение к отчету:

Шарлотта Дион, дочь Дины Мэллори, была объявлена в розыск 24 апреля. Последний раз ее видели неподалеку от Фанел-холла во время школьной экскурсии. По словам детектива Хэнка Букхольца, свидетельства указывают на возможное похищение. Расследование продолжается.

Дополнение, датированное 28 апреля, было подписано детективом Ингерсоллом.

Две пропавшие девочки – Лора Фан и Шарлотта Дион. Обе были дочерьми людей, убитых в «Красном фениксе», однако в отчете все указывало лишь на то, что это печальное совпадение. Все соответствовало словам доктора Цукера. Порой нет ни принципа, ни плана, а есть просто слепая жестокость судьбы, которая не считается с тем, что кто-то и так слишком много страдал.

– Знаешь, Риццоли, вам с Фростом просто нужно было спросить у меня.

Джейн подняла голову и увидела Джонни Таня, остановившегося у ее стола.

– Спросить у тебя – о чем?

– О массовом убийстве в «Красном фениксе». Я только что видел Фроста. Он сказал мне, что вы разыскиваете все документы, касающиеся этого дела. Если бы вы обратились ко мне, я бы сразу же все рассказал об этом происшествии.

– Откуда ты о нем знаешь? Когда это случилось, тебе было сколько – лет восемь?

– Я прикреплен к Чайна-тауну, а значит, должен знать обо всем, что там происходит. Знаешь, китайцы до сих пор говорят о «Красном фениксе». Эта история напоминает незаживающую рану. Она никогда не заживет, поскольку к ней примешивается позор.

– Позор? Почему?

– Убийца был одним из наших. Говоря это, я подразумеваю всех китайцев. – Тань указал на папки, лежавшие на столе у Джейн. – Я просматривал это дело два месяца назад. Говорил с Лу Ингерсоллом. Читал отчеты судмедэкспертизы. – Он постучал себя по голове. – Вся информация здесь, не сомневайся.

– Я не знала, что ты знаком с этим делом.

– И тебе не пришло в голову спросить меня? А я-то думал, что стал членом команды.

Джейн не понравились обвиняющие нотки, прозвучавшие в голосе Таня.

– Да, ты член команды, – согласилась она. – Я постараюсь не забывать об этом. Но ты очень облегчишь дело для всех нас, если перестанешь вести себя так вызывающе.

– Просто мне хочется быть в первых рядах. Неприятно, когда в тебе видят какого-то придурка на подхвате, а это случается здесь слишком уж часто.

– Что ты имеешь в виду?

– Бостонское УП – большой и чудесный «плавильный котел», верно? – Таня рассмеялся. – Вранье!

Некоторое время Джейн рассматривала молодого человека, пытаясь расшифровать каменное выражение на его лице. И вдруг узнала в нем себя – в возрасте Таня она жаждала показать, на что способна, и возмущалась, когда ее игнорировали.

– Сядь, Тань, – велела она.

Вздыхнув, он придвинул ближайший стул и сел.

– Ну?

– Ты думаешь, я не представляю себе, что значит быть в меньшинстве?

– Не знаю. А ты представляешь?

– Оглянись вокруг. Сколько женщин-детективов работает в отделе убийств? Одна-единственная, и ты с ней разговариваешь. Я знаю, каково это, когда ребята не подпускают тебя к делу; они считают: раз ты девушка, эта работа не для тебя. Тань, придется научиться справляться со всеми идиотами и со всем дерьмом, потому что и того и другого – пруд пруди.

– Но это не значит, что мы должны делать вид, будто радуемся этому.

– И что, если не радуемся – это может что-то изменить?

– Видимо, ты – изменила. Потому что *тебя* они признают.

Джейн задумалась: а правда ли это? Вспомнила, какой была ее жизнь, когда она только поступила в отдел и ей приходилось

мириться с хихиканьем, шутками о тампонах и намеренными оскорблениями. Да, теперь стало легче, однако война была тяжелой и длилась годами.

– Если будешь ныть и жаловаться – точно ничего не изменишь, – заметила она. – Нужно просто делать свою работу лучше других. – Джейн умолкла. – Я слышала, ты запросто сдал экзамен на детектива с первой попытки.

Тань быстро кивнул:

– И к тому же на самый высокий балл.

– А сколько тебе? Двадцать пять?

– Двадцать шесть.

– Это, знаешь ли, против тебя.

– Что? То, что я очередной азиат-зубрила?

– Нет. То, что ты совсем еще паренек.

– Чудесно. Еще одна причина, чтобы меня не принимали всерьез.

– Да ладно, причин, по которым ты оказываешься в невыгодном положении, можно насчитать с десятков. Некоторые из них существуют на самом деле, а другие ты придумал сам. Справься с ними и выполняй свою работу.

– Только если ты попробуешь не забывать, что я член команды. Позволь мне заняться беготней, связанной с «Красным фениксом», раз я уже хорошо знаком с этим делом. Я могу куда-нибудь позвонить, поговорить с родственниками убитых.

– Фрост уже собрался снова побеседовать с госпожой Фан.

– Значит, я пообщаюсь с другими родственниками.

Джейн кивнула:

– Хорошо. А теперь расскажи мне, как далеко ты продвинулся с этим делом.

– Впервые я просмотрел эту папку в феврале, когда меня прикрепili к участку А-один и я узнал, что некоторые жители Чайна-тауна по-прежнему говорят о «Красном фениксе». Я вспомнил, что слышал об этом деле еще ребенком, когда жил в Нью-Йорке.

– Ты слышал о нем в Нью-Йорке?

– Поверь мне: если это большая новость и если она имеет отношение к какому-нибудь живущему в стране китайцу, о ней судачит все китайское сообщество. «Красный феникс» обсуждали даже в Нью-Йорке. Я помню, бабушка говорила мне: какой позор, что убийца – один из наших. Она считала, что это бросает тень на всех китайцев. Заставляет нас походить на преступников.

– Бог мой! Вот так коллективное чувство вины.

– Да, мы это умеем. Бабушка ужасно сердилась, когда я пытался выйти из дома в рваных джинсах, – она не хотела, чтобы люди думали, будто все китайцы неряхи. Я вырослел, чувствуя на своих плечах это бремя, – каждый раз, выходя из дома, я должен был представлять всю свою нацию. Так что – да, у меня уже был интерес к делу «Красного феникса». А в марте, когда «Бостон глоуб» опубликовала то объявление, мне стало еще интереснее. Тогда я снова перечитал все документы по делу.

– Какое объявление?

– Оно появилось в газете тридцатого марта, в годовщину убийства, и занимало примерно четверть полосы в разделе местных новостей.

– Я его не видела. И о чем говорилось в объявлении?

– Оно состояло из фотографии повара, У Вэйминя, и слова «невиновен», набранного полужирным шрифтом. – Тань посмотрел куда-то вдаль, поверх рабочих столов отдела убийств. – Когда я увидел объявление, мне очень захотелось, чтобы это оказалось правдой. Чтобы У Вэйминь был невиновен. Только так можно очистить нашу запятнанную совесть.

– Неужели ты действительно думаешь, что он невиновен?

Тань посмотрел на Риццоли:

– Не знаю.

– Стейнс с Ингерсоллом никогда не сомневались, что стрелял именно он. И доктор Цукер тоже.

– Однако это объявление заставило меня задуматься. И я стал размышлять: а вдруг Бостонское УП ошиблось девятнадцать лет назад?

– Просто потому, что У Вэйминь был китайцем?

– Просто потому, что люди из Чайна-тауна так и не поверили, что это сделал он.

– Кто оплатил объявление? Ты узнал?

Молодой человек кивнул:

– Я обратился в «Глоуб». Объявление оплатила Айрис Фан.

Зазвонил мобильный телефон Джейн. Она потянулась за аппаратом, все еще прокручивая в голове только что услышанные сведения. Риццоли задалась вопросом: зачем девятнадцать лет спустя Айрис понадобилось размещать объявление в защиту человека, который убил ее мужа? Взглянув на дисплей мобильного, Джейн увидела, что звонят из криминалистической лаборатории, и ответила:

– Риццоли.

– Я сейчас изучаю эти волосы, – раздался голос эксперта-криминалиста Эрин Волчко. – Черт возьми, я не могу определить, чьи они.

Джейн потребовалось мгновение, чтобы переключить внимание на то, о чем говорила Эрин.

– Вы имеете в виду волоски, снятые с одежды убитой?

– Да. Бюро судмедэкспертизы вчера переслало нам две пряди. Одну сняли с рукава убитой женщины, а вторую – с легинсов. У них одинаковые морфология и цвет, так что, вероятно, они из одного и того же источника.

– Эти волоски настоящие или синтетические? – Задавая вопрос, Джейн чувствовала, как за ней наблюдает Тань.

– Искусственными их не назовешь. Они явно органического происхождения.

– Значит, они человеческие?

– Не уверена.

11

Прищуриив один глаз, Джейн смотрела в окуляр микроскопа и пыталась различить хоть один характерный признак, но то, что она видела сквозь линзу, несколько отличалось от всех других волос, которые ей приходилось разглядывать за многие годы. Джейн посторонилась, чтобы Тань тоже смог взглянуть.

– На этом предметном стекле вы видите острейший волос, – объяснила Эрин. – Острые волосы составляют верхнюю часть шерсти животных.

– То есть они отличаются от пуха? – поинтересовался Тань.

– Верно. Пух – это подшерсток, он обеспечивает изоляцию. У людей пуха нет.

– Итак, если это волос, чей он?

– Вероятно, проще сказать, чьим он быть не может, – заметила Эрин. – Пигментация равномерна по всей длине волосяного стержня, значит нам известно, что цвет шерсти этого животного одинаков от корня до верхушки. Чешуйки не коронообразные, значит грызунов и рукокрылых можно исключить.

Тань оторвался от микроскопа.

– А что такое коронообразные чешуйки?

– Чешуйки – структуры наподобие рыбьей чешуи, из которых состоит кутикула, наружный слой волоса. Чешуйки объединяются в тот или иной рисунок, характерный для определенного семейства животных.

– Вы сказали, что у крыс коронообразные чешуйки.

Эксперт кивнула.

– На этом волосе нет и шиповатых чешуек, а это значит, что он не принадлежит ни кошке, ни норке, ни тюленю.

– Мы что, по всему списку животных пройдемся? – удивилась Джейн.

– В некотором смысле здесь нужно применять метод исключения.

– Пока вы исключили крыс, рукокрылых и кошек.

– Верно.

– Чудесно, – пробормотала Джейн. – Значит, из списка подозреваемых можно вычеркнуть Бэтмена и Женщину-кошку.

Вздыхнув, Эрин сняла очки и потерла переносицу.

– Детектив Риццоли, я просто пытаюсь объяснить, как трудно идентифицировать шерстинку животного, используя только лишь оптическую микроскопию. Морфологические признаки помогают мне исключить некоторые группы животных, однако этот образец не похож на волосы, с которыми мне приходилось работать в нашей лаборатории.

– А что еще вы можете исключить? – поинтересовался Тань.

– Если бы эта шерстинка принадлежала оленю или карибу, корень имел бы форму винного бокала, а сам волос был бы грубее. Значит, к семейству оленевых образец отношения не имеет. Цвет свидетельствует против енота и бобра, а для кролика или шиншиллы эта шерстинка слишком груба. Если основываться только на форме корня, диаметре и узоре чешуек, я бы сказала, что больше всего этот волос напоминает человеческий.

– Так почему же он не может быть человеческим? – удивилась Джейн.

– Посмотрите в микроскоп еще раз.

Наклонившись, Джейн припала к окуляру.

– На что мне нужно обратить внимание?

– Посмотрите – он достаточно прямой, а не курчавый, как волосы, растущие на лобке или под мышками.

– Так, значит, это волос с головы?

– Сначала я тоже так подумала. Решила, что это волос с человеческой головы. Теперь обратите внимание на медуллу, сердцевину волоса. Она напоминает канал, проходящий по всей длине волосинки. В этом образце есть нечто очень странное.

– А поточнее?

– Медулярный показатель. Это соотношение диаметров медуллы и самого волоса. Я видела бесчисленное количество образцов человеческих волос, однако ни разу мне не попадался волос с человеческой головы, отличающийся такой широкой медуллой. У людей нормальное соотношение – менее трети. Здесь диаметр медуллы составляет больше половины диаметра волоса. Это не просто канал, это огромная сигнальная труба.

Выпрямившись, Джейн посмотрела на Эрин:

– Может быть, какое-нибудь заболевание? Генетическое отклонение?

– Мне ни о чем таком не известно.

– Тогда откуда взялся этот волос? – спросил Тань.

Эрин сделала глубокий вдох, словно подыскивая нужные слова.

– Почти во всем остальном он выглядит как человеческий. Но источник у него другой.

Тишину огласил изумленный смешок Джейн:

– О ком же идет речь? О снежном человеке?

– Я полагаю, это какой-то примат. Вид, который я не могу распознать при помощи оптической микроскопии. На волосе не осталось клеток эпителия, так что мы можем изучить только митохондриальную ДНК.

– Результаты таких исследований мы будем ждать целую вечность, – заметил Тань.

– Поэтому я думаю еще об одном тесте, – ответила Эрин. – Я нашла одну индийскую научную статью об электрофоретическом анализе рогового вещества волос. В Индии большие проблемы с нелегальной торговлей мехом, и они используют этот метод для установления шерсти экзотических видов.

– В каких лабораториях проводят такой анализ?

– В Штатах есть несколько лабораторий, специализирующихся на живой природе, и я могу с ними связаться. Вероятно, это самый быстрый способ установить, с каким видом мы имеем дело. – Эрин бросила взгляд на микроскоп. – Так или иначе, я выясню, что это за

мохнатое создание.

Детектив в отставке Хэнк Букхольц выглядел как человек, который очень долго и тяжело воевал с дьяволом под названием алкоголь и в конце концов все же сдался. Джейн обнаружила его на обычном месте в баре «Дж. П. Дойл» – Хэнк сидел, уставившись в бокал со скотчем. Не было еще и пяти часов, но, судя по виду Букхольца, он уже хорошо подготовился к наступлению вечера; когда отставной детектив встал, чтобы поприветствовать ее, Джейн обратила внимание на его нетвердое рукопожатие и влажные глаза. Впрочем, восемь лет пенсии не изменили старых привычек, и Букхольц все еще одевался как детектив – в форменный пиджак и оксфордскую рубашку, даже если это была рубашка с изношенным воротником.

Час был еще слишком ранний для многочисленных завсегдатаев бара «Дж. П. Дойл», любимого места встреч копов из Бостонского УП. Одним взмахом руки Букхольцу удалось привлечь внимание бармена.

– За ее напиток плачу я, – объявил он, указывая на Джейн. – Что будете пить, детектив?

– Я ничего не хочу, спасибо, – отказалась Джейн.

– Да ладно. Не заставляйте старого копа пить в одиночестве.

Лицо кивнула бармену:

– Светлое «Сэм Адамс».

– А мне – повторить, – добавил Букхольц.

– Хэнк, не хотите ли переместиться за стол? – спросила Джейн.

– Не-а, мне и здесь хорошо. Это мой табурет. Он всегда был моим. Да и вообще, – заметил отставной детектив, оглядывая почти пустой зал, – кто тут будет подслушивать? Это такое старинное дело, что все о нем давно уже забыли. Ну, может быть, кроме семьи.

– И вас.

– Да, такое трудно выбросить из головы, знаете ли. Дела, которые я так и не смог закрыть, все эти годы преследуют меня по ночам. Особенно дело Шарлотты Дион – я взбесился, когда ее папаша

нанял частного детектива, чтобы тот во всем разобрался. Намекнул мне, что я паршивый коп. – Шумно вздохнув, Букхольц глотнул скотча. – Столько денег потратил впустую и в конце концов удостоверился, что я ничего не упустил.

– Значит, частный детектив тоже не смог ничего прояснить?

– Не-а. Эта девочка просто взяла и пропала. Ни свидетелей, ни вещдоков, кроме оставленного в переулке рюкзака. Девятнадцать лет назад и камер слежения-то не было толком – поди зафиксируй что-нибудь. Человек, который похитил ее, сделал это быстро и аккуратно. Наверняка это спонтанное похищение.

– С чего вы взяли?

– Дело было на школьной экскурсии. Шарлотта училась в модной школе-интернате, Болтонской академии, там, за Фрамингемом. В город на частном автобусе приехали тридцать детей, чтобы пройти по Тропе Свободы^[5]. Они в последний момент решили зайти в Фанел-холл. Учительница сказала мне, что дети проголодались и они зашли туда перекусить. Думаю, преступник заметил Шарлотту и украл ее. – Букхольц покачал головой. – Речь идет об умелом похитителе. Патрик Дион – венчурный инвестор, он был в Лондоне, когда это произошло. Прилетел домой на собственном самолете. Учитывая его работу и состояние, я решил, что с него потребуют выкуп. Но этого так и не случилось. Шарлотта просто исчезла с лица земли. Ни улики, ни тела. Ничего.

– Ее мать всего за месяц до этого погибла в ресторане «Красный феникс».

– Да, я знаю. Этому семейству страшно не повезло. – Хэнк глотнул скотча. – От смерти деньгами не откупишься.

– Думаете, в этом все дело? Им просто не повезло?

– Мы с Лу Ингерсоллом много говорили об этом. Но так и не нашли способа связать эти два события, хотя очень внимательно их изучили. Тяжба за право опекуна над Шарлоттой? Плохой развод? Деньги?

– Ни то, ни другое, ни третье?

Букхольц покачал головой:

– Я сам разводился и до сих пор ненавижу эту суку. Но Патрик Дион и его жена остались друзьями. Он даже поладил с ее новым мужем.

– Несмотря на то, что Артур сбежал с женой Патрика?

Хэнк рассмеялся:

– Да, представляете? Жили-были две счастливые семьи. Патрик, Дина и Шарлотта. Артур, Барбара и их сын Марк. Оба ребенка учились в этой крутой Болтонской академии, так семьи и познакомились. И стали время от времени вместе ужинать. Потом Артур спутался с женой Патрика, и все развелись. Артур женился на Дине, Патрик получил опеку над двенадцатилетней Шарлоттой, и все они продолжили дружеские отношения. Говорю вам, это неестественно. – Хэнк отставил свой бокал. – Естественно было бы возненавидеть друг друга.

– А вы уверены, что между ними не было ненависти?

– Думаю, они могли скрывать ее. Возможно, через пять лет после развода Патрик Дион выследил свою бывшую жену и ее нового мужа, вошел за ними в ресторан и в приступе ярости расстрелял их. Однако Марк Мэллори поклялся мне, что все сохраняли дружеские отношения. А ведь из-за этого массового убийства он потерял своего отца.

– А как насчет матери Марка? Она тоже была счастлива, что ее муж ушел к другой женщине?

– Мне так и не удалось поговорить с Барбарой Мэллори. За год до массового убийства у нее случился инсульт. В тот день, когда исчезла Шарлотта, она была в реабилитационной больнице. А через месяц умерла. Еще одна невезучая семья. – Букхольц махнул бармену. – Эй, мне нужно повторить еще раз!

– Э-э-э... а вы сюда на машине приехали, Хэнк? – нахмурилась Джейн, глядя на его бокал.

– Да все нормально. Обещаю, пью последний.

Бармен поставил на стойку еще один скотч, и Букхольц просто уставился на него, словно сейчас его способно было удовлетворить одно лишь присутствие выпивки.

– Ну вот, в двух словах это вся история, – подытожил он. – Шарлотта Дион была семнадцатилетней красавицей-блондинкой. Уезжая из школы-интерната, она жила у своего богатого папочки. У нее было все, и вдруг – раз! Девочку похищают на улице. Мы просто до сих пор не нашли ее останков. – Букхольц поднял бокал со скотчем. На этот раз рука у него не тряслась. – Жуткая эта штука – жизнь.

– И смерть.

Рассмеявшись, он глотнул из бокала.

– Совершенно верно.

– А есть ли у вас какие-нибудь мысли о другой пропавшей девочке? О Лоре Фан?

– Это дело Седлака, пусть земля ему будет пухом. Но я просматривал его в связи с «Красным фениксом». И не обнаружил ничего, что навело бы на мысль о сходстве этих двух похищений. Думаю, Шарлотту внезапно увидели и украли. С Лорой – другая история. Это случилось после занятий в школе, когда она шла домой. Ее одноклассница видела, как Лора добровольно села в чью-то машину, будто бы знала водителя. Однако номеров никто не запомнил, а девочку с тех пор больше не видели. Еще одно так и не обнаруженное тело. – Отставной детектив посмотрел на бутылки, выстроившиеся в ряд позади стойки. – Это заставляет задуматься о том, сколько скелетов валяется в лесах и на мусорных свалках. В нашей стране пропадают миллионы людей. Все эти кости... Я могу смириться с мыслью, что однажды умру, только в том случае, если на моей могиле поставят хороший памятный камень, свидетельствующий о том, что там лежу именно я. А вот чтобы меня так никогда и не нашли... Закончить жизнь в зарослях каких-нибудь сорняков? Это словно ты и не существовал вовсе. – Хэнк пожал

плечами. – Так или иначе, дело Шарлотты Дион я в двух словах изложил. Вам это пригодится?

– Не знаю. Пока это всего-навсего кусочек очень сложной мозаики. – Джейн махнула бармену. – Можно мне счет?

– Да ни за что, – возмутился Букхольц.

– Вы уже оказали мне услугу, рассказав о Шарлотте.

– Я все равно постоянно сижу здесь. На этом месте, в этом баре. Вы знаете, где меня найти. – Хэнк посмотрел на ее звонящий телефон. – Вижу, вы девчонка нарасхват. Счастливая!

– Это зависит от того, кто звонит. Детектив Риццоли, – ответила Джейн в трубку.

– Мне жаль, что пришлось сделать этот звонок, – сказал мужской голос, который, похоже, и в самом деле звучал весьма неохотно. – Полагаю, вы начальница детектива Таня?

– Да, мы работаем вместе.

– Я звоню от имени всех родственников погибших. Нам не хотелось бы иметь дело с детективом Танем. Ему удалось огорчить всех нас, особенно бедняжку Мэри Гилмор. Прошло столько лет, зачем нас снова вынуждают отвечать на все эти вопросы?

Джейн провела по волосам, с ужасом думая о разговоре, который ей придется провести с младшим коллегой. «Ты государственный служащий, а потому ни в коем случае не должен докучать гражданам».

– Прошу прощения, сэр, – проговорила она в трубку. – Я не разобрала вашего имени.

– Патрик Дион.

Джейн выпрямилась. И посмотрела на Букхольца, с явным интересом следившего за разговором. Раз уж стал копом, останешься им на всю жизнь.

– Дина Мэллори – ваша бывшая жена? – осведомилась Риццоли.

– Да. Очень болезненно вспоминать, как она умерла.

– Я понимаю, как вам сложно, господин Дион. Но детектив Тань вынужден задавать вопросы.

– Дина погибла девятнадцать лет назад. Никогда не было ни малейших сомнений в том, кто именно ее убил. Почему эта тема всплыла снова?

– Я не вправе обсуждать это. Дело касается...

– Да, я знаю. Дело касается «текущего расследования». Именно это и сказал детектив Тань.

– Он был прав.

– Марк Мэллори в ярости, а Мэри Гилмор и ее дочь ужасно расстроены из-за этого. Сначала нам присылают по почте записки, а теперь звонит детектив Тань. Нам очень хотелось бы знать, почему все это происходит.

– Прошу прощения, – с трудом вставила Джейн. – О каких записках идет речь?

– Это продолжается, наверное, уже шесть или семь лет. Каждый год тридцатого марта в наших почтовых ящиках появляются записки, словно мрачные напоминания о годовщине.

– И о чем же говорится в записках?

– Я всегда получаю копию Дининого некролога. А на обратной стороне кто-то пишет: «Неужели вы не хотите узнать правду?»

– Вы сохранили эти записки?

– Да, Мэри тоже свои сохранила. Вот только Марк до того разозлился, что выкинул их.

– Кто рассылает их? Вы не знаете?

– Предполагаю, что они приходят от человека, который разместил объявление в «Глоуб». От этой Айрис Фан.

– А зачем госпоже Фан делать такие вещи?

На том конце провода повисла долгая пауза.

– Мне не хотелось бы говорить дурное о госпоже Фан. Она потеряла мужа и, я знаю, тоже очень страдала. Мне жаль ее. Но, кажется, тут все предельно ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

ГРОВОЕ МОЛЧАНИЕ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Сноски

1

«Братья Брукс» («Brooks Brothers») – старейшая марка мужской одежды в США. – *Здесь и далее, если не указано особо, примеч. перев.*

[Вернуться](#)

2

Тонги (или правильно – туны) – тайные сообщества китайцев, живущих в США и Канаде, которые чаще всего имеют отношение к преступной деятельности. Дословно слово «тонг» (или «тун») переводится как «зал» или «место собраний».

[Вернуться](#)

3

Пайфан – резные орнаментированные ворота из камня или дерева, возводившиеся в Китае в честь правителей, героев, выдающихся событий. Вне Китая ворота пайфан – символ китайского квартала.

[Вернуться](#)

4

Гунбао – блюдо сычуаньской кухни, готовится из кусочков куриного филе, обжаренных с арахисом и перцем чили.

[Вернуться](#)

5

Тропа Свободы – дорожка, выложенная красным кирпичом, которая проходит мимо главных достопримечательностей Бостона, связанных с борьбой за независимость США. Ее длина – 4,5 км.

[Вернуться](#)